

Тартуский университет
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

Литературная биография Евгения Милькеева

Бакалаврская работа
студентки отделения
славянской филологии
Марии Ивановой

Научный руководитель: PhD, доцент Р. Г. Лейбов

Тарту 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--|----|
| Введение | 3 |
| Глава 1. Биография Милькеева: проблемы реконструкции..... | 7 |
| 1.1. Жизнь Милькеева в Тобольске и встреча с Жуковским | 7 |
| 1.2. Милькеев и его покровители | 11 |
| Глава 2. Корпус стихотворений Милькеева | 14 |
| 2.1. Тексты периода ученичества: до 1838 года | 14 |
| 2.2. Тексты 1838 года | 20 |
| 2.3. Тексты до 1841 года | 25 |
| 2.3. Опубликованное до выхода сборника | 26 |
| 2.4. Обзор композиции и содержания сборника..... | 27 |
| Глава 3. Литературная репутация Евгения Милькеева | 29 |
| 3.1. Анонсы сборника..... | 29 |
| 3.2. Рецензии на сборник | 32 |
| Заключение | 38 |
| Список использованной литературы..... | 40 |
| Приложение | 44 |
| Kokkuvõte | 54 |
| Autori kinnitus | 56 |
| Lihlitsents..... | 57 |

Введение

Объект нашего исследования — литератор конца 1830-х — начала 1840-х гг. Евгений Лукич Милькеев — уроженец Тобольской губернии, бедный мещанин и канцелярский секретарь. Необычная судьба Милькеева, «поэта-самоучки», чьим покровителем стал В. А. Жуковский после посещения им в свите наследника престола Тобольска в 1837 г., неоднократно привлекала интерес литературоведов. История Милькеева — это история патронажа и неудавшейся литературной карьеры, закончившейся после издания первого и единственного сборника в 1843 г. Благодаря стихотворению К. К. Павловой «Памяти Е. М.» (1855) нам известно, что Милькеев покончил жизнь самоубийством; точную дату его смерти не удалось установить, однако по косвенным сведениям она обычно определялась как 1845–1846 гг. и непосредственно связывалась с провалом сборника. В «Литературных воспоминаниях» (1861) И. И. Панаева впервые появляется мотив вреда, нанесенного покровителями из аристократической среды «бедняку» Милькееву. Если для «Воспоминаний» наиболее актуальной была личная неприязнь Панаева к А. С. Хомякову и Н. Ф. Павлову, то советские литературоведы стали использовать этот мотив в качестве иллюстрации классового антагонизма. Характерно, что в 1930–1940-е гг. Милькеева предполагалось включить в библиографический «Словарь русских писателей, вышедших из трудовой среды» (неосуществленный проект Н. П. Рогожина): «Судьба М. — личная и литературная — является одним из наиболее наглядных примеров того, насколько бездушным было отношение дворянского культурного общества к талантливым выходцам из трудовой среды» [ОР РГБ. Ф. 683. К. 3. Ед. хр. 5. Л. 24].

Так, основываясь на довольно скудных биографических материалах, исследователи высказывали предположения об отношениях Милькеева с его литературными покровителями и о губительном влиянии патронов на его судьбу, а его творчество вписывалось в уже устоявшиеся в советском литературоведении представления о поэтической эпохе конца 1830-х — начала 1840-х гг.

Первая литературоведческая работа о Е. Л. Милькееве под заглавием «Неизвестный поэт-сибиряк» была опубликована М. К. Азадовским еще в 1922 г. Примерно в то же время к биографии Милькеева обращался и И. Н. Розанов, планировавший написать статью о поэте (начатый черновик статьи и материалы к ней сохранились в ОР РГБ; документы датируются 1910–1920 гг.). В 1923 г.

Розанов получил сделанные сотрудниками Пушкинского дома ИРЛИ копии писем Милькеева, содержавшие важные сведения о жизни поэта в Москве и Петербурге в 1838–1842 гг., но они, очевидно, не были известны ни Азадовскому, ни последующим исследователям вплоть до публикации Е. П. Горбенко в 1983 г.

Азадовский как исследователь быта, литературы, фольклора и истории Сибири был заинтересован в канонизации сибирских талантов. Литературный провал Милькеева он связывал с особенностями поэтической эпохи, на которую пришлось его творчество. По Азадовскому, в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX века в свет выходило большое количество однообразных книг, в которых воспроизводились усвоенные культурой приемы романтической литературы, разработанные поколением Жуковского и затем Пушкина. Ученый выдвинул гипотезу, что покровителям Милькеева (имевшим достаточный вес в литературном поле — Жуковский, Плетнев, Шевырев) были видны индивидуальные достоинства его поэзии, в то время как Белинский, написавший разгромную рецензию на сборник Милькеева, не мог выделить его из массы других похожих поэтов. Азадовский также обвинил покровителей и друзей Милькеева в небрежности по отношению к нему и недостаточной поддержке, как материальной, так и литературной, образовательной, см.: [Азадовский: 15–42]. В стихотворениях Милькеева исследователь нашел подражания Тютчеву, что показалось необычным, ведь в конце 30-х — начале 40-х гг. Тютчев был незаметной фигурой в литературе и слава пришла к нему гораздо позже, см. об этом подробнее: [Осповат]. Таким образом, Азадовский привлек к Милькееву внимание последующих исследователей, утвердив представление о поэте как об одном из первых «тютчевянцев» и одновременно самородке из низов, загубленном дворянской интеллигенцией.

Идеи Азадовского были подхвачены В. Г. Утковым (псевдоним — «В. Бурмин»; статьи 1946 и 1968 гг.) и Ю. С. Постновым (1970). В их работах, как и у Азадовского, биография поэта в целом ограничивалась не подвергнутыми критическому анализу сведениями из автобиографической записки, сочиненной Милькеевым для Жуковского и опубликованной Плетневым в «Современнике». Уткову, однако, удалось найти документы из Омского государственного архива, содержащие сведения о продвижении Милькеева по службе в Тобольске; их он частично опубликовал в своей статье, см.: [Утков: 149-150]. Е. П. Горбенко,

работавшая с материалами архива Плетнева в РО ИРЛИ, в 1983 г. опубликовала упомянутые выше письма Милькеева к Плетневу и другим адресатам. Однако в своей статье «К биографии Милькеева» исследовательница пользовалась уже установившимися формулами интерпретации его биографии, см.: [Горбенко]. Горбенко также стала автором статьи о Милькееве в словаре «Русские писатели 1800–1917» (1999), к которой была приложена библиография упоминаний Милькеева в критике и исследовательской литературе.

Открытие Милькеева как забытого поэта в XX веке увенчалось публикацией выборки его стихотворений в книге «Поэты 1840–1850-х годов» из серии «Библиотека поэта». В книге были опубликованы как стихотворения из сборника, так и находящиеся в архиве Плетнева в РО ИРЛИ. Следует отметить, однако, что Милькеев, строго говоря, не был «забытым поэтом»: первая известная нам посмертная публикация его текстов состоялась еще в 1880 г. в изданном Сувориным популярном сборнике «Москва в родной поэзии» под редакцией И. С. Пономарева: сюда вошли четыре стихотворения из сборника Милькеева 1843 г. («Сухарева башня», «Колокол в Кремле», «Иван Великий», «Молитва Иверской»). Нам представляется, что в том числе и эта довольно важная публикация позволила текстам Милькеева избежать забвения.

Поэзия Милькеева до сих пор вызывает краеведческий и религиозный интерес. Его стихотворения были опубликованы в таких сборниках, как «Литературные фантомы» (Тюмень, 1997 — посвящен местным авторам), «Молитвы русских поэтов» (М., 2015). Милькеев был реактуализирован А. Н. Стрижевым и фондом «Возрождение Тобольска»: в 2010 г. был издан, а в 2015 г. переиздан том сочинений Е. Л. Милькеева, в который вошли все стихотворения сборника 1843 г., тексты, опубликованные в «Современнике» и в «Поэтах 1840–1850-х годов», выборка из ранее не публиковавшихся стихотворений (маркированные московские и сибирские тексты), письма Милькеева, статьи Шевырева, Плетнева, Сенковского, а также работа Азадовского «Неизвестный поэт-сибиряк». Подготовленное Стрижевым издание явно преследует идеологические цели: во вступительной статье автор утверждает, что Милькеев — поэт недооцененный и замечательный, поэтому его место в истории отечественной

словесности необходимо пересмотреть; издание также страдает серьезными неточностями¹.

Факты биографии Милькеева были собраны нами воедино из разных источников, указанных вышеназванными исследователями, в «Летопись жизни и творчества Е. Л. Милькеева» (см. Приложение 1). Благодаря этим сведениям мы можем получить представление о хронологии событий и о степени вовлеченности Жуковского, Плетнева, Шевырева и других акторов литературного поля в устройство судьбы Милькеева. Нам удалось в небольшой степени расширить объем этих сведений и произвести попытку их систематизации. Проблемы реконструкции биографии Милькеева рассматриваются в первой главе нашей работы. При написании этой главы и составлении летописи мы руководствовались методологическими разработками нескольких исследователей в этой области см.: [Томашевский; Винокур; Лотман; Калугин].

Вторая глава посвящена корпусу стихотворений Милькеева, значительная часть которых не была опубликована при жизни и находится в архиве Плетнева в РО ИРЛИ. Мы попытались проследить, какие тексты отбирались Милькеевым и/или его покровителями для печати, и составить гипотетическое представление о поэтической программе Милькеева.

Кульминационным моментом в творческой жизни Милькеева стало издание сборника стихотворений. Сборник был анонсирован в «Москвитянине» и «Современнике», появилось несколько рецензий на него, в том числе — статья Белинского. В третьей главе мы рассмотрим, как была воспринята поэтическая программа Милькеева, и постараемся ответить на вопрос, почему она в конечном счете не оказалась удачной.

¹ Например, в примечаниях сказано, что в издании «представлены все известные на сегодняшний день произведения Милькеева», — это заведомо ложные сведения, поскольку в тетрадях, хранящихся в РО ИРЛИ, из которых была сделана выборка для данного издания, находится еще 66 стихотворений, которые никогда не были опубликованы и в это издание не вошли. Кроме того, автор приводит принадлежащее перу Ф. Н. Глинки стихотворение «Приглашение на проезд В. А. Жуковского в Москву», безо всяких оснований атрибутируя его Милькееву.

Глава 1. Биография Милькеева: проблемы реконструкции

Литературную биографию Милькеева можно разделить на два периода: обучение в Тобольске и жизнь в двух столицах, когда поэт пребывал под покровительством видных литераторов. При описании первого периода возникают вопросы реконструкции круга чтения и круга общения поэта; второй же проблематизирует литературную программу (сообщение в печати биографических сведений, отбор стихов), участие в ее формировании наставников Милькеева, а также их роль в личной судьбе поэта — наиболее занимавшая предшествующих исследователей тема.

1.1. Жизнь Милькеева в Тобольске и встреча с Жуковским

Автобиография Милькеева впервые появилась в печати в статье Плетнева «Путешествие В. А. Жуковского по России» [Совр., 1838, т. XXIX: 5–22], а в 1843 г. была воспроизведена с небольшим количеством правок в сборнике стихотворений Милькеева. Именно из нее черпали биографические данные о поэте все исследователи, обращавшиеся к данному предмету. Тем не менее необходимо подвергнуть проверке каждый упомянутый в ней факт, поскольку автобиографический текст выполнял свою функцию в контексте строительства литературной репутации Милькеева.

Статья Плетнева была в первую очередь нацелена на утверждение определенного образа Жуковского. В ней подчеркивается, что Милькеев пришел к Жуковскому «один, никем не представленный». Во-первых, это утверждение развивает образ Жуковского как литератора, который поощрял любой встречающийся ему истинный талант. Во-вторых, Жуковский выступает как педагог и идеолог царской власти: как пишут комментаторы книги «В. А. Жуковский в воспоминаниях современников», многочисленные благодеяния Жуковского разным лицам во время путешествия «имели задачу приучить наследника к милосердию» [Жуковский 1999а: 435]. При этом создается образ Милькеева как поэта, не владеющего социальным капиталом и потому входящего в литературное поле единственно благодаря достоинствам своего творчества, что, как нам кажется, не в полной мере соответствовало действительности. В дневнике Жуковского за датой посещения Тобольска (2 июня

1837 г.) имя Милькеева стоит перед именем П. П. Ершова, с которым Жуковский познакомился в Петербурге:

Пребывание в Тобольске. Ширков². Евгений Милькеев. Ершов. Осмотр училища и выставки. Прием чиновников <...> [Жуковский 1999: XIV, 55].

Ершов, описывая приезд наследника в Тобольск, отмечает в письме В. А. Треборну от 2 июля 1837 г.:

<...> как человек, который занимается виршеписанием, я должен был, по поручению генерал-губернатора, приготовить приветствие³. <...> Государь Наследник приехал к нам в ночь с 1 на 2 июня и остановился в генерал-губернаторском доме, насупротив моей квартиры. Поутру 2 числа я отправился к В. А. Жуковскому и был принят им как друг [Ершов: 526].

Отметим, что из письма становится ясно, что Ершов и Милькеев встретились с Жуковским порознь; кроме того, близкое знакомство Милькеева с Ершовым представляется маловероятным, судя по письмам последнего, в которых он описывает свою жизнь в Тобольске, см.: [Ершов]. Вероятнее всего, Милькеев был представлен Жуковскому самим генерал-губернатором Дмитрием Петровичем Горчаковым, в канцелярии которого юный поэт служил журналистом при столоначальнике 3-го отделения (см. Приложение 2); только личная рекомендация и приглашение генерал-губернатора могли обусловить тот факт, что Жуковский, находясь в его доме утром, до прихода Ершова, познакомился с Милькеевым (дневниковая запись Жуковского составлена в хронологическом порядке).

Реконструкция тобольского круга знакомств Милькеева и степени его участия в культурной жизни города представляет отдельную проблему. В автобиографической записке автор указывает на отсутствие у него доступа к обществу, интересующемуся литературой:

Умственное любопытство тех, с которыми я находился в обществе, ограничивалось также не весьма изящным чтением: старые сказки, давно забытые повести ходили между ними в обращении; да тем делиться не имели они готовности, стараясь наслаждаться скрытно. <...> Когда меня взяли на службу в то место, где я нахожусь теперь, тут случалось, хоть очень редко, достать порядочную книгу; тогда я уносил сокровище домой, с благоговением и восторгом погружался в чтение [Совр., 1838, т. XII: 13–15].

² Ширковы: тобол. купцы XVIII — 1-й пол. XIX в. Возможно, Иван Иванович Ширков (1768—1838). [Историческая энциклопедия Сибири: т. 3, С. 533]. В собр. соч. Жуковского указано, что Ширков — тобольский чиновник, однако в адрес-календаре его не удалось найти, так что комментарий, возможно, неточен.

³ Милькеев, как и Ершов, написал стихотворение на приезд Государя Наследника. Оно находится в одной из тетрадей в архиве Плетнева в РО ИРЛИ и было посмертно опубликовано в издании Стрижева.

Хотя описанная ситуация вполне могла соответствовать действительности, мы можем заметить, что акцент ставится на умении Милькеева независимо от окружающего его общества различать хорошую и плохую литературу. Это положение развивает обозначенный в начале автобиографии тезис: «природа наделила меня привязанностью к звукам» [Совр., 1838, т. XII: 12], который, в свою очередь, восходит к понятию о природном происхождении таланта — общему месту в романтической философии и критике. При этом первой хорошей книгой Милькеев называет басни Крылова и сетует на то, что «не всю читал Историю Карамзина». Отметим, что для Плетнева, под редактурой которого впервые публикуется текст автобиографии, Крылов и Карамзин являлись важнейшими фигурами современности, «подтверждавшими господство народности в литературе» [Плетнев: 236-237]. Упоминание их в тексте Милькеева работает как знак того, что его творчество примыкает к направлению, которое Плетнев считает определяющим в русской литературе.

В своей статье «Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора)», Ю. М. Лотман показал, что право на биографию дается выбором исключительного жизненного пути, необычной нормы поведения, см.: [Лотман]. Эта концепция объясняет то, как обычно строится биографический нарратив в случае поэта. Одна из ключевых формул состоит в том, что поэт отчужден от общества и совершает нечто неправильное. Это можно проследить и в тексте Милькеева:

Из лучших никто не чувствовал охоты заняться мальчиком, безмолвным и скучным, а я по врожденной боязливости не смел спрашивать; малейшей нескромностью страшился обнаружить свою привязанность как преступление, и старался закрыть от сведения всех эту заветную страсть [Совр., 1838, т. XII: 14].

Таким образом, факты биографии Милькеева могли быть смещены в сторону установившихся формул, а автобиографическая записка не вполне применима для составления суждений о независимом развитии литературного вкуса Милькеева. Тем не менее у нас нет достоверных сведений о том, чтобы он общался с другими поэтами или литературными деятелями Тобольска или испытал определенное влияние с чьей-либо стороны при формировании поэтической манеры или круга

чтения⁴. В книге «Тобольск» (1975) по этому поводу приводится не подкрепленное ссылкой на источник утверждение: «В 20–30-х гг. в Тобольске сложилась группа молодых поэтов, в которую входили И. Л. Черкасов, И. И. Веттер, Е. Л. Милькеев. Душой этого поэтического гнезда был композитор А. А. Алябьев» [Копылов, Прибыльский: 77]. Мы обнаружили, что это утверждение также появляется в несколько измененном виде в истории тобольского драматического театра (интернет-ресурсы без ссылок на источники). А. А. Алябьев действительно в 1828–1832 гг. находился в ссылке в Тобольске и внес значительный вклад в культурную жизнь города. Он создавал оркестровые произведения и руководил оркестром, устраивал регулярные симфонические концерты, писал музыку для балов, был инициатором театральных инсценировок («Кавказский пленник», 1828 г.), а также сочинял музыку на стихи тобольских поэтов В. А. Алябьева, И. И. Веттера, И. Л. Черкасова [Доброхотов: 79-82, 89, 95, 114]. Однако Доброхотов в своем исследовании биографии и творчества Алябьева, приводя имена других обозначенных Копыловым и Прибыльским поэтов, не упоминает Милькеева; в более раннем биографическом очерке об Алябьеве, написанном Г. Н. Тимофеевым в 1912 г., ничего не сказано об общении Алябьева с тобольскими поэтами. В целом у нас нет доказательств того, что упомянутые выше поэты действовали в рамках т. н. «поэтического кружка». Обращаясь к более позднему периоду, непосредственно перед встречей Милькеева с Жуковским, можно отметить, что возвратившийся в 1836 г. в Тобольск Ершов имел ограниченный круг знакомых (из которых он выделял «В-лицкого, воспитанника Парижской консерватории, и Ч-жова, моряка, родственника (племянника) нашего профессора Д. С. Ч»), редко куда выходил, кроме как по средам на концерты оркестра, состоявшего из учеников Алябьева, см.: [Ершов]. В 1837 г. Ершов в письме Треборну упомянул о том, что по вторникам у него собираются приятели:

<...> играем в шахматы, болтаем всякий вздор, не исключая совсем и дельного разговора, а если есть, то читаем что-нибудь из своих сочинений [Ершов: 527].

У нас нет свидетельств принадлежности Милькеева к какому-либо литературному кругу, но, как можно заметить, культурную жизнь города в годы, когда он начал

⁴ Возможно, при отборе стихотворений для подражания Милькеев руководствовался критическими разборами в журналах.

заниматься поэзией, во многом определяло наличие оркестра, регулярно дававшего концерты и привлекавшего творческую молодежь.

1.2. Милькеев и его покровители

Как мы показали во введении, для предшествующих исследователей наиболее важной проблемой литературной биографии являлся провал сборника и последовавшее за ним самоубийство Милькеева, что объяснялось слабой поддержкой поэта со стороны его покровителей. Буквальное прочтение стихотворений Павловой «Неизвестному поэту» и посмертного «Памяти Е. М.» позволяло подчеркивать разницу между «тобольским дикарем» и блестящим литературным светом. Хотя ничто не мешало Милькееву действительно чувствовать себя чужим в кружке Павловых, не стоит забывать, что такое противопоставление типично для поэтики романтизма и отъезд Милькеева после первого посещения Москвы и Петербурга позволил Павловой воспользоваться этой темой в стихотворении «Неизвестному поэту»:

Да, возвратись в приют свой скудный;
Ответ там даст на глас певца
Гранит скалы и дол безлюдный.
Здесь не откликнется сердца. [ОЗ, 1839, т. III: 133]

Рядом с этим стихотворением было помещено стихотворение Хомякова «Ему же», которое, в свою очередь, развивало идеи народности и природного поэта (курсив наш):

Ты наш! ты наш! *родные чувства*
Сказались нам, тебя мы ждем,
Мечты любимец, жрец искусства,
Святым проникнутый огнем!... [ОЗ, 1839, т. III: 134]

Образ Милькеева и обстоятельства его жизни (сибирское происхождение) позволяли конкретизировать ключевые романтические темы.

Судя по имеющимся у нас свидетельствам современников, Милькеев располагал к себе, подавал надежды и к нему относились с вниманием, Плетнев оказывал поэту регулярную материальную поддержку, см. опубликованные письма Милькеева к Плетневу: [Горбенко]. Приведем отрывки из письма Елагиной Жуковскому и воспоминаний С. Т. Аксакова:

«Весело переслать сердечный поцелуй через создание, подобное Милькееву. Чуть ли не в первый раз вы не ошиблись в человеке. <...> Его приняли здесь с участием и стараются расколыхать его. Шевырев необыкновенно с ним добр и возится всеми силами, также Хомяков, которого высокая душа умеет приблизить к себе все, что имеет чувства или мысль» [Жуковский 2009: 445].

«Жуковский также много говорил со мной о Милькееве, принимая теплое участие в его судьбе. Он читал мне многие его письма, которые несравненно лучше его стихов, имеющих также достоинство, хотя одностороннее. Письма Милькеева очень меня разогрели, и я разделял надежды Жуковского, не оправдавшиеся впоследствии» [Аксаков: III, 173].

У нас также имеется любопытное письмо к Жуковскому от его многолетнего корреспондента А. М. Тургенева⁵, который стал главным ответственным за Милькеева лицом во время его первого приезда в Москву. Ему Жуковский поручает забрать у Шевырева автобиографическую записку Милькеева, к которому действительный статский советник Тургенев едет сам. Тургенев предлагает Милькееву жить у себя и в целом готов помогать чем возможно:

«...завтра, после обедни, пойду отыскивать Милькеева в Шевалдышевском трактире, где бедняк пристал; узнать, не захворал ли? Чем-нибудь, если будет потребно, готов помогать сироте» [РА, 1908, ч. XI: 396].

В письме Тургенева прочитывается влияние концепции «природного гения», оно является свидетельством того, что забота о судьбе Милькеева должна рассматриваться в ряду проектов помощи талантам из непривилегированных классов (напомним, что Жуковский помогал А. В. Кольцову и Т. Г. Шевченко, см.: [Жуковский 1999а: 37]):

Слышал и слышу часто многих пустоголовых обоего пола, которые кричат во все горло, что невозможно родиться гению в России. Климат, климат, повторяют пустоголовые, не допускает развернуться талантам. Ну, вот, где г. Милькеев родился? В каком климате? Надобно пожить в Тобольске, чтобы узнать и испытать благорастворения тамошних воздушных! <...> Что-то будет с музыкальным гением, Андреевичем Ефимом? Расторгнутся-ли узы рабства его? Воспарит-ли он или погрязнет, исчезнет в бездне забвения под всеокрушающим игом крепостного быта [РА, 1908, ч. XI: 396].

Хотя ближайшие покровители Милькеева Жуковский и Плетнев, а также московские друзья, кажется, действительно потеряли с ним связь через некоторое

⁵ А. М. Тургенев был близким другом Жуковского [об А. М. Тургеневе см.: РС 1885: 368-369]. В 1823–1825 гг. он занимал должность тобольского гражданского губернатора. Милькеева отдали в губернское правление для обучения канцелярскому делу «одиннадцати лет», т.е. ок. 1826 г. С некоторой долей вероятности он мог находиться там во время службы Тургенева. Тем не менее вряд ли Тургенев мог заинтересоваться судьбой бедного канцеляриста более чем через 10 лет после своего отбытия из Тобольска и рекомендовать его Жуковскому.

время после выхода сборника⁶, служебная карьера Милькеева продолжилась: в 1845 г. поэт переехал в Петербург и получил должность в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, очевидно, по рекомендации своего патрона И. Г. Сенявина (именно благодаря ему был издан сборник поэта, а в Москве Милькеев служил в его канцелярии вне штата). Это обстоятельство ранее не отмечалось исследователями. Между тем в 1844 г. Сенявин был назначен товарищем министра внутренних дел, а 1845 г. датируется отложившееся в РГИА дело по прошению Милькеева об определении его на службу в Хозяйственный департамент. Поэт присутствует в адрес-календарях 1846 и 1847 гг. как служащий департамента. Эти сведения позволяют пролить некоторый свет на последние годы его жизни, ставшие предметом разнообразных предположений исследователей. Точная дата смерти Милькеева до сих пор не установлена. Горбенко в статье о нем в энциклопедии «Русские писатели» ссылается на два источника, ставя вопрос о дате смерти. Составители книги «Поэты 1840–1850 гг.» предполагают, что год смерти — около 1845 г.: «Мы основываемся на последнем из известных нам писем поэта (письмо к М. П. Погодину от 25 августа 1844 г. — РГБ)» [Поэты 1840-1850 гг.: 199]. В свою очередь И. Г. Ямпольский, редактор «Литературных воспоминаний» И. И. Панаева (1988), не дает ссылки, но пишет о том, что «в конце 1846 или в начале 1847 г. Милькеев кончил жизнь самоубийством» [Панаев: 387].

Поскольку Милькеев отсутствует в адрес-календарях за 1848 г. и 1849 г. (и далее), мы можем датировать его смерть промежутком между 1 декабря 1846 г. и 1 декабря 1847 г. (в эти числа составлялись списки служащих) и считать его последним местом жительства Санкт-Петербург.

⁶ В архиве Плетнева не сохранилось писем от Милькеева после 1843 г. В 1850 г. Плетнев писал Жуковскому, что Милькеев, «увы, совсем исчез из виду!» [Плетнев: III, 642] Это со всей очевидностью означает, что последний петербургский год жизни Милькеева и сам факт его самоубийства оставались Плетневу неизвестными. Поэт по тем или иным причинам не счел нужным известить о своем переезде в столицу редактора «Современника».

Глава 2. Корпус стихотворений Милькеева

Вторая глава работы посвящена описанию корпуса стихотворений Милькеева. Нам удалось датировать части корпуса и разделить его на несколько периодов. Поскольку в сборник 1843 г. вошли тексты разных периодов, в этой главе мы будем придерживаться хронологического принципа, аргументируя предлагаемые нами датировки и прослеживая, какие тексты отбирались или не отбирались в сборник, а также какой правке они подвергались.

Корпус стихотворений Милькеева содержит:

- 99 рукописных текстов в архиве Плетнева ИРЛИ⁷;
- рукописный текст в РГАЛИ;
- 10 текстов без источника, впервые опубликованных в «Современнике»;
- текст без источника, впервые опубликованный в «Москвитянине»;
- 40 текстов без источника, впервые опубликованных в сборнике.

В корпусе всего 152 текста. При жизни поэта из них появилось в печати 74. Посмертно вышли в свет еще 12 неизданных. Оставшиеся 66 до сих пор не опубликованы.

2.1. Тексты периода ученичества: до 1838 года

К этому периоду мы относим тексты из архива Плетнева в РО ИРЛИ из тетрадей, озаглавленных как «Стихи Милькеева. Тетрадь 1» и «Стихи Милькеева. Тетрадь 3». Это тетради размером 15,5x20 см в зеленой обложке с одинаковым оформлением: в них присутствует оглавление и сквозная римская нумерация (различие только в том, что в «Тетради 3» есть два раздела: первый без заглавия, второй — «Басни»). В сумме 44 текста — 28,9% от всего корпуса.

Отнести эти тетради к периоду до первой поездки Милькеева в Петербург и Москву в начале 1838 г. позволило сопоставление стихотворений, написанных Яб, со стихотворениями Яб из других тетрадей (которые нам удалось датировать периодами после 1838 г., о чем речь ниже). Ни в одном из стихотворений Яб из «Тетради 1» и «Тетради 3» не соблюдена во всех стихах цезура на 3 стопе. В то же

⁷ В архиве Плетнева (ИРЛИ) хранятся письма Милькеева к Плетневу, а также пять тетрадей с произведениями Милькеева (четыре — со стихами, одна, озаглавленная как «Проза», — с письмами). Тетради чистовые, записи сделаны писарским почерком, возможно, это — автографы.

время в тетради «Стихи», тексты из которой были написаны во время и после пребывания поэта в столицах, из 6 стихотворений размера Я6 только в одном, под заглавием «Бури и страсти», кое-где не соблюдена цезура (в 8 стихах из 94); все остальные тексты — регулярные. В четвертой тетради Милькеева, датируемой 1841 г., 4 стихотворения Я6, все — с регулярной цезурой. В сборник 1843 г. были включены два стихотворения Я6 из «Тетради 1»: «Свет и мрак» и «Утешение». Правке в этих стихотворениях подвергается именно цезура. Пример из стихотворения «Свет и мрак» в рукописи (курсив наш):

Когда на ясном *небе*, в жар и блеск одетом,
Владычествует день, богатый теплотой, —
Как весело душе, обрадованной светом!
Летит она к *эфиру* с песнию святой;
Свободно плавает, резвится и порхает,
Носимая *мечтою*, где пределов нет,
И в солнечных лучах блаженство почерпает...
Не родина ль души днем царствующий свет?
[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 3]

Правка в сборнике:

На своде *утреннем*, в торжественность одетом,
Едва зажжется день, обильный теплотой —
Как весело душе, обрадованной светом!
Несет ее *мечта* в мир высший и святой.
Летит она как звук, как бабочка порхает,
И вьется *над землей*, там, где пределов нет,
И в солнечных лучах блаженство почерпает...
Не родина ль души днем царствующий свет? [Милькеев 1843: 71]

Таким образом, исправление цезуры явно указывает на вмешательство литературных наставников поэта или на самостоятельное преодоление стиховых огрехов, и это позволяет нам отнести «Тетрадь 1» и «Тетрадь 3» к тобольскому периоду творчества Милькеева.

В пользу этой гипотезы также свидетельствует тот факт, что Шевырев в своем письме от 30 мая 1838 г. В. Ф. Одоевскому упоминает стихотворения из этих тетрадей [РС, 1904, №5: 371]. Кроме того, в «Тетради 3» находится стихотворение «На прибытие государя наследника в Тобольск», которое можно точно датировать

1837 г. Примечательно, что ни один текст из этих тетрадей не был опубликован в «Современнике»: возможно, к Плетневу они попали намного позже либо просто не прошли в свое время редакторский отбор. Рукописных источников первых двух появившихся в «Современнике» стихотворений Милькеева — «И как светло и как прекрасно...» (1838, т. XIII) и «Сон Ломоносова» (1839, т. XIV) — не сохранилось. Вероятно (и на это намекают заглавия тетрадей), существовала еще «Тетрадь 2».

Большая часть стихотворений этого периода имеет религиозно-моралистический характер, о чем говорят и заглавия: «Божия гроза», «Страх!.. Сверкает меч громовый», «Отступнику», «Миролюбцу» и др. Подобного рода тексты при жизни поэта в основном не публиковались, кроме стихотворения «Схимник»; в сборнике эта тематика представлена в разделе «Переложения из Библии», ее основу составляют, очевидно, более поздние тексты (период проживания в Москве с 1839 г.).

Второй объемный блок текстов включает в себя басни, две сказки, одну сатиру — к этим жанрам Милькеев позднее не возвращался; эти тексты также не публиковались при жизни.

Среди 44 текстов этого периода есть две фольклорные стилизации: стихотворения «Песня» и «Чета». «Песня» написана Ан2 со сплошными мужскими окончаниями:

На полях молодых
Пташки трелят, кружат:
Пусть подружек моих
Пляски, смех веселят. [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 19об.]

Популярность этот размер приобрел благодаря «Песне Земфиры» Пушкина (1824): «Старый муж, грозный муж...», см.: [Гаспаров], и, как показал в своей работе А. Шеля, среди «русских песен», написанных анапестом, доминировала именно форма Ан2м [Шеля: 147]. Стихотворение «Чета» написано Х4дм, который также являлся распространенным размером среди имитаций народной песни [Шеля: 144]:

Показалось утро ясное
В багрянице золотой;
Разыгралось солнце красное
Над прозрачною волной. [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 21об.]

Остальные тексты тобольского периода развивают темы природы и противопоставления светлого и темного начал: «Люблю я небо снеговое...», «Ночь и утро», «Свет и мрак», «Зима», «Увядание», «Соловей». В одном случае нам удалось найти возможный источник заимствования. В приведенном ниже фрагменте из стихотворения «К Истине» наблюдается совпадение рифм, синтаксиса, фразеологии с отрывком из стихотворения Шевырева «Петроград» (1830) (курсив наш):

Без света Истины не видят зрящи очи,
И где она не льет божественных лучей,
Там царствует туман невежественной ночи,
И бродит в этой мгле лжемудрие людей.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 1об.]

Отряхнув она с очей
Мрак невежественной ночи,
К свету утренних лучей
Отверзает бодры очи. [МВ, 1830, ч. I: 3–6]

Первое стихотворение Милькеева, появившееся в «Современнике», — «И как светло» (1839, т. XIII). Азадовский в своей статье доказывал, что Милькеев подражает тютчевской образности, во многом опираясь на этот текст и сопоставляя его со стихотворением Тютчева «День и ночь» (1836). При этом исследователь не отмечал, что «День и ночь» впервые появилось в печати в XIV т. «Современника», т. е. после публикации стихотворения Милькеева. В последнем противопоставление света и мрака и изображение ночи как покрыва — традиционные, в то время как у Тютчева этот общепринятый образ перевернут: «день — сей блистательный покров». Азадовский утверждает, что образность в этом отрывке — тютчевская. Нам представляется это утверждение несколько натянутым, похожее словопотребление можно найти у Бенедиктова и, очевидно, у других поэтов эпохи (курсив наш):

Угас гигант, и мрак угрюмой,
Распростираясь над землей,
Обвил ее, как тяжелой думой,
Широкотенной пеленой.
И будто заключен в оковы,
Мир неподвижен, глухо спит...

Кто совлечет с него покровы
 И прелесть дня восстановит! [Совр., 1839, т. XIII: 178]

И туч пелена небосклон оковала;
 Взор в небо послал он: под *тяжкою мглой*
 Последняя в небе звезда померкала, —
 То было затмение звезды роковой! [Бенедиктов: 92]

В сборнике Милькеева действительно есть прямые отсылки к Тютчеву, например, в стихотворении «Возрождение» (1843) у Милькеева сон «болезненно-немой», у Тютчева в «Сне на море» (1836) — сон «болезненно-яркий, волшеббно-немой». Чаще всего это стихотворения, которые нам не удалось датировать, и вероятно, влияние Тютчева сказалось благодаря чтению тютчевских публикаций в «Современнике», в котором печатались стихи Милькеева, а также через круг московских покровителей.

Метрический репертуар. В корпусе периода ученичества в Тобольске основные размеры: Х4 ст. — 34,1%; Я6 ст. — 20,5%; Я4 ст. — 13,6%; Я в. — 11,4% (см. Рис. 2.1.).

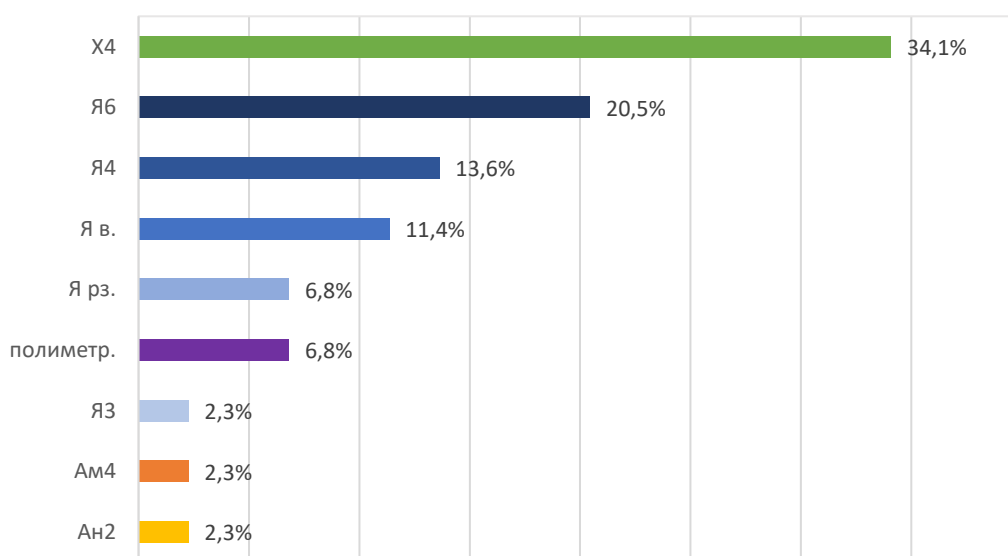


Рис. 2.1. Соотношение размеров: тексты до 1838 г. (44 текста)

В тетрадах 1 и 3 тексты распределены более-менее тематически и по размерам: вольным ямбом написаны только басни, в первой тетради 8 из 16 текстов написаны Я6, остальная часть — это религиозно-моралистические стихотворения Х4. Если предположить, что существовала «Тетрадь 2», то возможно, что эти показатели бы изменились: указанные выше первые опубликованные в «Современнике»

стихотворения (без источников) написаны Я4⁸. По данным Гаспарова, процентуальное распределение наиболее частотных размеров в 1831–1840 гг. было таким: Я4 ст. — 25,4%, Х4 ст. — 19,7; Я в. — 9,9; Я рз. — 7,4; Я6 ст. — 7,1 [Гаспаров: 48]. И хотя в 1830–1840-х гг. доля Я6 в русской поэзии начинает повышаться после последовательного спада от XVIII века к 1820-м гг. [Гаспаров: 64], повышенная доля Я6 у Милькеева означает, что он в большей степени ориентировался на архаичную традицию: стилистически и тематически эти тексты близки стихотворениям Я6 раннего Жуковского (например, «Младенец» (1806), «Гимн» (1808)). Отрывок из стихотворения «Насытятся ль душа и око небесами...»:

И трепетно воскликни, полн благоговеньем:
Сколь сильно Существо, устроившее Мир,
Одевшее пучины неба украшеньем,
Заткавшее телами светлыми эфир! [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 4]

В сборник вошло шесть стихотворений из «Тетради 1» и три стихотворения из «Тетради 3». Из них всего два текста Я6; всего в сборнике четыре стихотворения, написанных этим размером, и его использование поэтом постепенно снижается от тобольского периода к 1843 г. В то же время для сборника отбирается почти весь амфибрахий: среди текстов до 1838 г. только три включают строки этого размера, из них две полиметрические композиции; два из трех текстов попадают в сборник. Это «Схимник» (Ам4) и «Кладбище» (Я64+Ам4), у которого в сборнике отсутствует первая часть композиции Я64. Четырехстопным амфибрахией активно пользовался в 1836–1840 гг. Бенедиктов: его наиболее известные стихотворения «Наездница» и «Утес» написаны именно этим размером. В сборнике Милькеева 17,1% текстов написаны амфибрахией (см. Рис. 2.2)⁹, более того, в анонсе сборника, написанном Шевыревым, было помещено стихотворение «Колокол в Кремле» (Ам4), которое своим размером отсылало к Бенедиктову, что позволило Белинскому в рецензии разоблачить Милькеева как его подражателя. Как мы

⁸ Подчеркнем, что у нас нет достаточных оснований относить два упомянутых стихотворения к периоду до 1838 г., поскольку они могли быть написаны во время пребывания Милькеева в Москве и Петербурге и переданы Плетневу лично. О содержании других возможных ученических тетрадей Милькеева можно лишь делать предположения.

⁹ Хотя доля амфибрахия в сборнике кажется значительной, она также может быть обусловлена тем, что трехсложные размеры в целом противопоставлялись ямбу и хорю единой массой, а в 1810–1830/40-е гг. на долю амфибрахия приходилось от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всех трехсложников [Гаспаров: 62].

увидим дальше, доля амфибрахических стихов у Милькеева повысится в период проживания в Москве начиная с 1839 г.

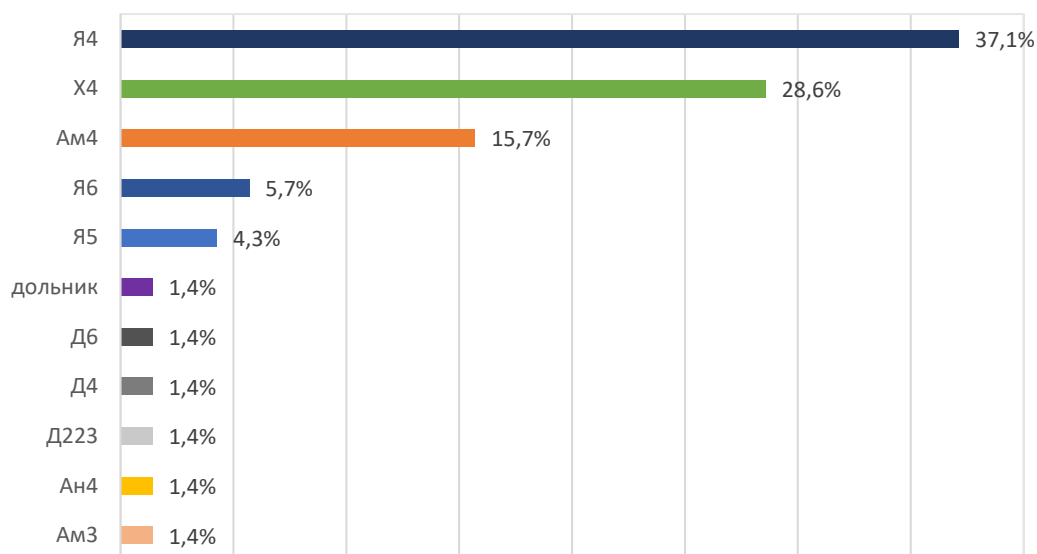


Рис 2.2. Процентное соотношение размеров в сборнике 1843 г. (70 текстов)

2.2. Тексты 1838 года

Две тетради из архива Плетнева имеют авторскую датировку: тетрадь, озаглавленная как «Проза», включает в себе письма, датированные 1838–1839 гг. с пометой «Тобольск»; под последним текстом в тетради с титулом «Стихи» стоит подпись автора и дата — 22 февраля 1839 г. Эти тетради упоминаются в письме к Плетневу того же числа:

«При этом письме, вместе с тетрадью стихов, я посылаю к вашему превосходительству несколько страниц, писанных мною к двум приятелям. <...> Посылаемые к вам теперь стихи написаны почти все в нынешнем году. Конечно, я представил бы гораздо более, если бы не был уничтожен духом на столько времени после истории пасквильной, которая со мной случилась» [Горбенко: 205].

В начале 1838 г. Милькеев приезжает в Петербург, в марте он находится в Москве и довольно поспешно оттуда возвращается, а в начале июня решается ехать обратно в Тобольск. В письмах к Плетневу и к петербургскому приятелю Н. Я. Зимовскому (январь–февраль 1839 г.) Милькеев пишет, что по пути домой его объявили сумасшедшим и заключили в больницу в Кунгуре, и таким образом, в Тобольск Милькеев вернулся лишь к октябрю 1838 г. Нам представляется, что «нынешний год» здесь означает «текущий год в целом», то есть начиная с февраля 1838 г., а значит, это тексты, которые были написаны под влиянием покровителей

Милькеева, а также литературной жизни Москвы и Петербурга. Вернувшись на родину, Милькеев получил собрание книг, составленное Жуковским для восполнения основных пробелов в образовании поэта. Среди них должны были быть «Опыт о русском стихосложении» Востокова, «История средних веков» Шульгина и «Курса географии» Шульгина — в письме к Плетневу Милькеев сообщает, что не получил их по росписи в числе других книг; в собрании находились «Илиада» и «Атлас древнего света» [Горбенко: 205]. Наверняка в собрании были и издания признанных русских поэтов (можно предположить, что Жуковский доставил молодому поэту какие-то тома «Собрания образцовых русских сочинений и переводов...», к изданию которых был некогда причастен как соредактор.

Начиная с XV т. журнала в «Современнике» публикуются стихотворения из тетради «Стихи», которую поэт посылает Плетневу с письмом от 22 февраля 1839 г. Плетнев не возвращается к материалу из старых тетрадей, предпочитая новые тексты. Всего в тетради 18 текстов. Большую часть из них все еще занимают стихотворения, написанные Я6 (6 из 18). В них уже последовательно соблюдена цезура:

Я с горестью сомкнул страдальческие очи,
Мой друг перелетел в обитель вечной ночи.
Но дар его души, последний этот дар —
Мне свят он и высок, как мученика жар.
[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 19]

В контексте программы обучения Милькеева эти стихотворения выглядят как «упражнения в стиле». Из шести стихотворений Я6 в этой тетради только одно вошло в сборник — это упомянутое выше «Как ветер закрутит мгновенно прах летучий...». В некоторых отрывках этого текста не соблюдена цезура; для публикации в сборнике автор сокращает в его в два раза, отбрасывая нерегулярные отрывки, а также изменяя образы. Как нам кажется, по сравнению с остальными текстами это стихотворение было наиболее самостоятельным даже после правки образов. Например, перерабатывается смелый и необычный, но не везде точный образ небосклона как чернеца в следующем отрывке (см.: «туманы на челе (небосклоне)» исправлено на «по долам постелются туманы»):

Вот, после хищных бурь, живых громовых браней

Слезливость осени... Весь хворый небосклон –
 Как пасмурный чернец с объятым слабым дланей;
 Закутался он в рясы туч со всех сторон,
 И хмурит на челе, померкшем, лишь туманы,
 Как будто хочет скрыть под ними скорбь и раны,
 Задержать пеленой широкой мглы свой стыд,
 И нищенство красы, и томно-робкий вид.
 [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 5об.]

Но, после знойных бурь, слезливо и печально
 К нам осень тянется... На бледный небосклон
 Станицы хворых туч сойдутся погребально,
 И в сумрак, и в дожди закутается он:
 Томят его и скорбь, и немощные раны,
 Перунов огненных подарок роковой...
 По долам широко постеляются туманы
 И тощая волна подымет грустный вой. [Милькеев 1843: 144]

Исправленный образ намного более логичен и приближен к традициям «гармонической школы точности».

На материале этой тетради трудно говорить об изменении ритмического репертуара поэта: в ней всего 18 текстов (см. Рис. 2.3.), шесть из них — Я6.

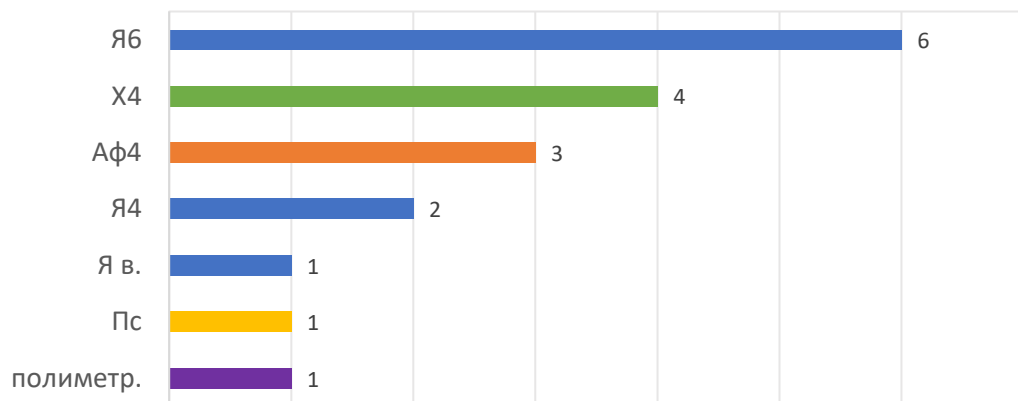


Рис 2.3. Распределение текстов по размерам в тетради «Стихи» (18 текстов)

Примечательно, что амфибрахийем написано почти столько же, сколько четырехстопным хореем. Один из этих текстов (Ам4) будет опубликован три раза при жизни поэта — «Колокол в Кремле» [Совр., 1839, т. XIX; Москв., 1842, ч. 4, №7; Милькеев 1843].

Важно также отметить, что в этой тетради четыре фольклорных стилизации, в то время как в более поздней — всего один из 34. Эти стилизации написаны разными размерами. Стихотворение «Невеста» написано двояным пятисложником:

К молодой милой красной девице,
В ея горницу одинокую,
Собирались подруги милыя,
Как голубушки сизокрылыя [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 32]

К 1838 г. этим размером написано небольшое количество текстов¹⁰, среди них наиболее близкие по времени к Милькееву стихи поэтов-самоучек: стихотворение Цыганова «Не сиди, мой друг, поздно вечером» [МВ, 1828, ч. 11: 108-110]; четыре стихотворения М. Д. Суханова («Грустно девице с другом розно жить», «Ах ты матушка, мать быстра река», «Любил молодец красну девицу», «Как стоял шатер во чистом поле») из сборника 1828 г. «Басни, песни и разныя стихотворения крестьянина Михайла Суханова»; «Наступил, настал нам последний век» в сборнике Е.В. Алипанова «Ханский чай». Впрочем, вряд ли можно сказать, что в этом случае использование размера могло быть связано с ориентацией на амплуа самоучки; и эта, и остальные стилизации из этой тетради имеют метрические прецеденты в «дворянской поэзии»: например, двоянный пятисложник у Н. Ф. Грамматина — «Лето красное проходи скорей» (1807); «Ты не плачь не плачь красна девица» (1811).

Стихотворение Милькеева «Утро», также написанное к тому времени мало распространенным размером (X4м), ритмически и тематически ориентировано на «Соловья» Дельвига, ставшего знаменитым благодаря музыке Алябьева (см. сравнение в Таблице 2.1). Третья стилизация «Рекрут и старушка» («Что ты дитятко, не весел? / Не заводишь с нами речь?») написана одним из самых распространенных песенных размеров — X4жм. Четвертая стилизация «Сирота» имеет основной метрическую схему X443ммж, которая была не очень часто употребляема. В корпусе «русской песни» до 1838 г. мы нашли всего два текста с такой схемой, см. сопоставление с одним из них в Таблице 2.2 (другой текст —

¹⁰ Мы благодарим А. Шелю за предоставление данных из корпуса «русской песни». О корпусе и его содержании см.: [Шеля, 2018].

военная песня — далек от «Сироты» тематически); в КРЯ находим употребление этого размера у Кюхельбекера («Ручей» (1819): Мальчик у ручья сидел, /Мальчик на ручей глядел, /Свежий, краснощекий); у Дельвига («19 октября 1825» (1825): В третий раз, мои друзья /Вам пою куплеты я /На пиру лицейском); у Полежаева («Степь» (1833): Светлый месяц из-за туч/ Бросил тихо ясный луч/ По степи безводной).

Таблица 2.1

| | |
|---|--|
| «Утро», Е. Милькеев [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 15об.] | «Соловей», А. А. Дельвиг [«Северные цветы на 1826 г.», 1826: 91] |
| И печальна и одна, Ночь продумала она, Все крушилась о милом, Незнакомая со сном. На подушках пуховых Не покоив молодых, Лебединых, нежных плеч, Затопила рано печь. | Кто-то бедная, как я, Ночь прослушает тебя, Не смыкаячи очей, Утопаючи в слезах? Ты лети, мой соловей, Хоть за тридевять земель, Хоть за синие моря, На чужие берега; |

Таблица 2.2

| | |
|--|---|
| «Сирота», Е. Милькеев [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 38об.] | «Блещет, блещет из-за туч», Н.Ш. [Дамский журнал, 1827, № 14: 72] |
| Перед домом богача У ворот стоит стуча Бедная девочка Слезка виснет на глазу, Тихо трет она слезу Кончиком платочка | Блещет, блещет из-за туч Золотой денницы луч К Машеньке в светлицу. Там она сидит одна, Подгорюнясь у окна, – Слезы проливает. |

Любопытно, что экспериментов в этом жанре стало больше в 1838 г., когда Милькеев впервые посетил Петербург и Москву, но в сборник 1843 г. вошли только две стилизации: указанная выше «Сирота» и «Дума» размером Х4д, явно написанная позже и ориентированная на Кольцова (в 1840–1841 гг. в ОЗ было последовательно напечатано 7 стихотворений Кольцова Х4д). Вероятно, песенный жанр, интерес к которому зародился у поэта в 1838 г., был оставлен из-за выбора «высокого лирического направления», соответствовавшего просветительским

целям покровителей Милькеева, а помещение двух образцов в сборник было необходимо для иллюстрации многогранности поэта.

2.3. Тексты до 1841 года

У нас есть предположение по поводу периода составления еще одной тетради, без титула. В письме к Плетневу от 6 марта 1841 г. Милькеев пишет: «По желанию Василия Андреевича собрал я в одну тетрадь все мои стихотворные безделки как прежние, так и новые» [Горбенко: 207]. Хотя Милькеев не сообщает, что тетрадь будет отправлена с письмом, стихотворения из тетради без титула появляются в номерах «Современника» за 1841 г.: в XXIII и XXIV тт. (это выпуски второй половины года, и в своем утверждении мы опираемся именно на последовательность хронологии): это «Сухарева башня» и поэма «Затворницы». Нам представляется, что для публикации в «Современнике» оба текста были взяты из этой тетради; различие между рукописью и текстом публикаций объясняется очевидной редакторской цензурой — отбрасываются строфы сомнительного содержания:

Я не слыхал богослуженья,
Купаясь в тине грешных дум:
Души преступные движенья
Затмили веру, совесть, ум. [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 5об.]

И до того глубокий взор
Он в бездну таинства простер,
Что наконец себя на части
Велел живого раздробить,
А после их соединить и эликсиром окропить... [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 20об.]

Содержимое тетради соответствует описанию из приведенной нами цитаты из письма. Эта тетрадь эклектична и довольно объемна: 34 текста. В ней находятся маркированные московские тексты («Сухарева башня», «Останкинские кедр», «Воробьевы горы»), то есть представлено творчество поэта начиная с поселения в Москве в апреле–мае 1839 г. и в то же время послания, сонеты, любовная лирика в стиле 20-х гг. — в целом устаревшие к 1841 г. стихотворные формы. При этом они совершенно отсутствуют в выделенном нами корпусе тобольских стихов, а также не были опубликованы, кроме одного сонета, вошедшего в сборник. Нам

представляется, что эти тексты были написаны по наставлению московских патронов¹¹ опять же в качестве поэтических упражнений для овладения образцами поэзии. Помещение сонета в сборник должно было служить маркером образованности; то же самое можно сказать о стихотворении «Покойница» (без рукописного источника), написанном Дб, имитирующим гекзаметр.

Как мы уже отметили выше, от текстов тобольского периода к текстам сборника 1843 г. просматривается тенденция к значительному сокращению доли Яб и увеличению доли амфибрахия. В тетради 1841 г. амфибрахией написано 23,5% стихотворений (см. Рис. 2.3). Это тексты с разнообразным содержанием: любовным, историко-патриотическим, религиозным.

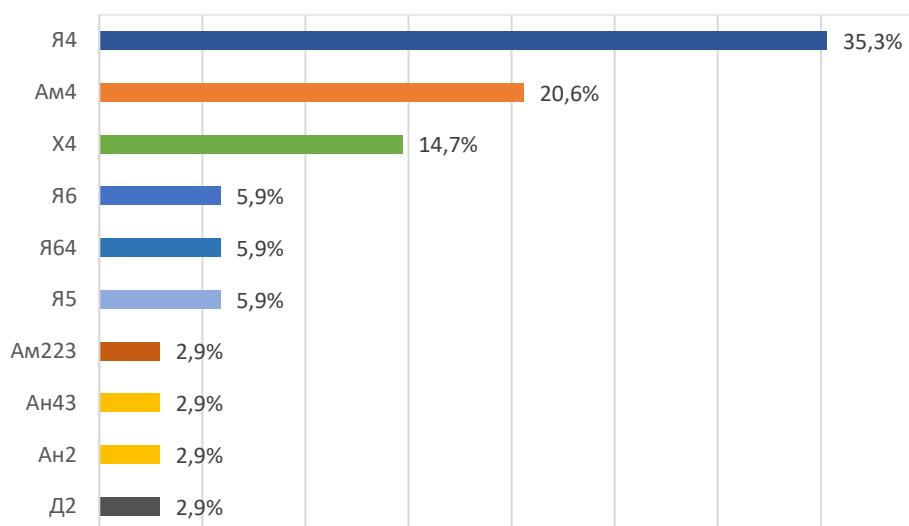


Рис 2.3. Соотношение размеров в тетради 1841 г. (34 текста)

В сборник вошло всего 6 стихотворений из этой тетради. Упомянутый сонет «Зачем о дева красота...», поэма «Затворницы», «Сухарева башня», «Воспоминание» («Столицы шумной житель новый...»), «Образ Богоматери» (в сборнике «Молитва Иверской»), «Примирение».

2.3. Опубликовано до выхода сборника

Всего в «Современнике» было опубликовано 17 произведений Милькеева (6 текстов имеют рукописный источник), из них 13 вошли в сборник.

¹¹ Тем не менее мы не можем утверждать, что все они написаны в 1839–1841 гг.

В сборник не вошли:

- драматическое произведение «Сцена канцелярная» [Совр., 1839, т. XV], видимо из-за своей жанровой принадлежности и объема;
- «Зима» («Везде зима пушисты ткани...») и «Поэту» [Совр., 1843, т. XXIX], возможно написанные уже после сдачи сборника в цензуру, так как ц. р. сборника датируется июнем 1842 г.;
- «Лиля» [Совр., 1842, т. XXV], при том что два других текста («Воспоминание», «Слезы»), напечатанных в том же номере, в сборник вошли.

Таким образом, почти все, однажды отобранное и опубликованное Плетневым, включается в сборник.

В «Москвитянине» были опубликованы два текста Милькеева: «К. К. П-вой, в альбом» (1842) и «Колокол в Кремле», еще в 1839 г. напечатанное в «Современнике», и в 1842 г. воспроизведенное в статье Шевырева «Литературные известия: о выходе в свет стихов Милькеева». Оба текста вошли в сборник.

2.4. Обзор композиции и содержания сборника

Рукописных источников к большей части текстов (49 из 70) сборника у нас нет. 9 текстов были ранее опубликованы в «Современнике», поэтому в целом у нас нет датировок к 40 стихотворениям из сборника. Однако ритмически и тематически они соотносятся с отобранными текстами, которые нам удалось датировать; вероятно, эти 40 текстов также относятся к разным годам. В сборник отбираются тексты из всех описанных выше рукописных тетрадей, подходящие под его общую концепцию.

Стихотворная часть сборника (ей предшествует посвящение И. Г. Сеньявину и автобиографическая записка) имеет два раздела: один без заглавия, второй — «Переложения из Библии». Первый начинается духовной одой, утверждающей Бога как единственного идола, основная часть состоит из перемежающихся между собой стихотворений, с одной стороны развивающих тематику богоотступничества («Художник», «Демон», «Кукушка», «Схимник»), с другой — непорочность души и восхищение небесным началом. Встречаются и единичные тексты, выбивающиеся из доминирующей в сборнике поэтики: две фольклорные стилизации («Сирота», «Дума»), подражание античной поэзии («Покойница»), сонет («Зачем о дева красота...»), идиллия («Мой домик»). Заканчивается основная

часть стихотворением «Пристань», которое как бы подводит итог метаниям между мирской суетой и небесной гармонией:

Я с волнами жизни смутной
Долго справиться не мог;
Вот у берега приютно
Стал мой трепетный челнок...
Благодатную свободу
Сердце чувствует вполне
И любить одну природу
Предлагает ныне мне.
Время детских заблуждений,
Своенравного огня
С вихрем ярых потрясений
Пронеслося для меня. [Милькеев 1843: 174–175]

За этим стихотворением следует второй раздел, который заключает в себе уже «серьезную поэзию» — переложения из Библии. Так, с помощью композиции сборника автор развивал образ благочестивого поэта, для которого «религиозное чувство и природа служили основным, естественным побуждением» [Милькеев 1843: XVIII]. Благонамеренность являлась одной из характеристик поэтов-самоучек 1820-х гг., и в этом смысле Милькеев частично ориентировался на уже возникшую в литературном поле модель, не только позиционируя себя как самоучку, но и стараясь придерживаться соответствующего образа в нравственном плане, однако эта литературная программа в конечном итоге оказалась неудачной.

Глава 3. Литературная репутация Евгения Милькеева

3.1. Анонсы сборника

Кульминационным моментом в литературной биографии Милькеева было издание сборника стихотворений. Изначально поэт стал участником литературного процесса, т.е. получил возможность печататься в «Современнике», благодаря статье Плетнева «Путешествие В. А. Жуковского по России», которая фокусировалась на встрече Жуковского с Милькеевым и включала автобиографию поэта-самоучки. Нам неизвестны отзывы на появлявшиеся в «Современнике» стихи, но можно предположить, что они не были особенно заметны среди остального содержания поэтического отделения журнала¹². То, что Милькеев начиная с 1839 г. последовательно печатался, являлось незначительным элементом в кампании по продвижению сборника 1843 г. Шевырев в своем анонсе в «Москвитянине» написал, что «Публика встречала иногда, *но редко*, это скромное имя под некоторыми замечательными пьесами в стихах» [Москв. 1842, Ч. 4, №7; курсив наш –*М.И.*]. Плетнев в «Современнике» вслед за статьей Шевырева все-таки уточнил, что Милькеев регулярно помещал свои стихотворения в «Современнике» с 1839 г. под акронимом Эм–въ. Тем не менее в обоих анонсах (и чуть позже в рецензии Плетнева) главное внимание обращается на то, что биография Милькеева необычна, а открытию его таланта способствовал статусный литератор — Жуковский:

«Между тем, еще в 1838 г. <...> поместили мы любопытнейшие обстоятельства его биографии. Ныне в №8 Москвитянина¹³ (1842) увидели мы перепечатанными сообщенные нами тогда известия и самое имя автора разоблаченным по случаю издания им полного собрания стихотворений его. Этот случай заставил и нас под стихотворением г. Милькеева поставить его имя. Мы желаем, чтобы публика достойно оценила этот талант, которого открытием она обязана первому из нынешних поэтов русских, В. А. Жуковскому» [Совр., 1843, XXX: 142–143].

¹² У нас имеются только частные мнения близких Жуковскому людей, которые не были вовлечены в проект покровительства. Из переписки А. И. Тургенева с Одоевским (2 дек. 1842): «Читал ли Милькеева, protégé Жуковского из Сибири. Как скоро отпечатается — пришлю. «Разбитый колокол» его гудит превосходно и наводит какое-то безотчетное уныние на душу. Есть и другие хорошие стишки, хотя не первоклассные; но и то много для секретаря губернаторского, из Сибири вырвавшегося» [ОА: IV, 193]. В воспоминаниях С. Т. Аксакова: «Он [Жуковский] читал мне многие его письма, которые несравненно лучше его стихов, имеющих также достоинство, хотя одностороннее. [Аксаков: III, 173].

¹³ У Плетнева ошибка — статья Шевырева была напечатана в №7 за 1842 г.

Автобиографическая записка не только акцентировалась в анонсах сборника 1843 г., но и была помещена в него в полном объеме: Милькеев заново тем же самым способом появлялся «на площади словесности».

Таким образом, выход сборника был предварен статьей Шевырева в №7 «Москвитянина» за 1842 г. (в №9 журнала было опубликовано стихотворение Милькева «К. К. П-вой (В альбом)»), небольшим анонсом Плетнева в XXIX т. «Современника» (выход в свет: в начале первого квартала 1843 г.) и рецензией Плетнева в XXX т. «Современника» (начало второго квартала 1843 г.). Как мы рассмотрим ниже, в своей рецензии Белинский полемизировал с текстами Шевырева и Плетнева; отметим, что номер «Отечественных записок» (Т. 29, №8), в котором появилась статья, вышел позже «Современника» — цензурное разрешение 31 июля 1843 г.

Специфика текстов Шевырева и Плетнева состояла в суммарности положительных оценок при подчеркивании самородного таланта поэта.

Сначала кратко охарактеризуем рецензию Плетнева. В статье Плетнева можно проследить воспроизведение умеренной концепции «природного гения»: Милькеев, как и любой истинный поэт, сочетает природный дар и ученость, но в то же время критик пытается доказать, что Милькеев — поэт замечательный именно благодаря своей оригинальности. С одной стороны, Плетнев пишет о постоянном стремлении Милькеева к самосовершенствованию, «чистой отделке» и «прекрасной обработке» его поэтического языка, ясности образов. С другой стороны, критик подчеркивает происхождение Милькеева, самобытность и оригинальность его поэзии и отмечает, что «руководствуясь единственно музыкальным слухом и внутренним тактом», поэт «защитился от всех недостатков господствующего теперь слога» [Плетнев: II, 386]. Эта же формула появляется у Плетнева в обзоре стихотворений Лермонтова 1841 г. (курсив наш — *М.И.*):

Г. Лермонтов принадлежит к небольшому числу современных нам поэтов, которые независимостью таланта и верностью чувства умели защититься от влияния *странного и ошибочного вкуса, овладевшего толпою писателей*. Он, как истинный поэт, в каждом предмете усматривает новую сторону, чтобы в изображении мысли чувствуемо было его создание [Плетнев: II, 304].

Изучая критические обзоры Плетнева в «Современнике» 1838–1842 гг., можно заметить, что он соединяет эстетические критерии т. н. «школы гармонической точности» первой четверти XIX в. с идеями о народности и индивидуальности,

ставшими популярными в 30-е гг. и в том числе высказанные им самим в 1835 г. в лекции «О народности в литературе». К примеру, цитата о стихотворениях Д. Сушкова: «Всякое создание неясное, или неполное, или обремененное излишеством идей, уже убито в минуту своего рождения» [Плетнев: II, 252], — явно восходит к поэтике гармонической точности, см.: [Гинзбург: 21–50]. О «ровности» Плетнев пишет почти в каждом поэтическом обзоре, при этом на положительную оценку часто влияет самобытность и «происхождение» поэзии, а негативную — характеризует подражательность и «недостаток чувства». Плетнев явно поощряет такие новые для русской литературы явления, как женская поэзия и поэзия на малороссийском языке: к ним он так же снисходителен, как к поэзии Милькеева-самоучки, ввиду их особого происхождения, особой ниши в литературном поле. Пример из обзора «Стихотворений графини Е. П. Растопчиной» (1841 г.):

Он [поэт] все для себя создал сам, или вернее — природа вела его особенным путем. <...> Существо, призванное для рассеянностей жизни, для удовольствий и блеску шумного света, для упоения и торжества в лучшем кругу общества, это существо влечется неодолимою силою в святилище души своей, сосредоточивает там игривые свои помыслы, раздробляет их и преобразует [Плетнев: II, 309–310].

Отзыв на сборник Т. Г. Шевченко «Кобзарь» 1840 г. (курсив наш):

Между всеми произведениями поэзии, появлявшимися в эти три месяца, одно последнее достойно внимания. Оно писано по-малороссийски. В нем собрано несколько *простонародных лирических излияний души*, живых и счастливо переданных автором. Понимающие малороссийский язык прочтут это собрание конечно с удовольствием и благодарностью [Плетнев: II, 297].

Среди перечисленных в этом обзоре книг находится сборник «Новые досуги Федора Слепушкина», который Плетнев закономерно не выделяет в соответствии со своими взглядами на народность в литературе: к 1840 г. критика уже обвинила Слепушкина в подражании английской традиции описательной поэзии, и такая модель поэта-крестьянина перестала удовлетворять критериям «природного таланта» [Шеля: 104].

Суммируя, можно сказать, что в статье Плетнева Милькеев выступает как нишевое явление, дворянский поэт-самоучка, продолжающий традицию «школы гармонической точности».

В основе анонса Шевырева лежат четкие опорные элементы, создающие образ Милькеева. Структура и содержание этого текста политически более заряжены, чем отзыв Плетнева. В нем обозначены акторы литературного процесса:

читатели, покровитель, поэт. Анонс обрамлен аллегорией романтического поэта, отвергнутого судьбой и публикой. В зачине расположена метафора поэзии как перформативного искусства: поэт, истинный талант которого робко «скрывался в глуши», не замечен безразличной публикой на «площади словесности». Завершает статью стихотворение Милькеева «Колокол в Кремле», также развивающее данную тематику: в нем представлен образ царь-колокола, который сравнивается с поэтом, отвергающим толпу, неспособную воспринять таящиеся внутри него звуки невероятной силы. Кроме того, критиком сделан акцент на роли Жуковского — он упомянут в тексте трижды: как «преобразователь Русских стихов», «первый современный представитель Русской Поэзии» и «Меценат» Милькеева.

Значительную часть анонса составляют цитаты из текста автобиографии, включающие описание происхождения Милькеева и его опытов в самостоятельном «разгадывании механизмов поэзии». Комментируя цитаты из автобиографии, Шевырев подчеркивал, что уже только «это искреннее признание Поэта внушит читателям охоту короче с ним познакомиться» [Шевырев: 402]. Собственно творчество поэта Шевырев охарактеризовал так: публикуемое стихотворение «Колокол в Кремле» должно было служить доказательством «высокого лирического направления Поэзии Милькеева, которая часто отзывается глубиной думы и силою точного выражения» [Шевырев: 404].

3.2. Рецензии на сборник

Рассмотрим теперь, как Белинский воспринял созданный Плетневым и Шевыревым образ Милькеева в единстве с содержимым сборника поэта. Для начала скажем несколько слов о двух других известных нам рецензиях на сборник Милькеева: это анонимная рецензия в «Литературной газете» от 18 июля 1843 г. и рецензия О. И. Сенковского в «Библиотеке для чтения» (ц.р. декабрь 1843 г.). Рецензия Сенковского, вышедшая последней из упомянутых рецензий, наименее содержательна и написана в стиле привычного зубоскальства барона Брамбеуса; Сенковский воспроизводит большую часть отмеченных Белинским поэтических промахов Милькеева, см.: [Сенковский].

Довольно любопытны различия в рецепции сборника Милькеева «Литературной газетой» и Белинским. Главное состоит в том, что «Литературная газета», как и Плетнев, пользовалась классической концепцией поэта, одаренного

природой и достигающего совершенства через учение. Заметим, что патронаж Милькеева и был нацелен на предоставление ему возможности учиться и бывать в образованном обществе. В итоге «Литературная газета», найдя плохие стихи в сборнике, советовала молодому поэту прилагать большие усилия в совершенствовании таланта и пытаться найти «собственную орбиту», оставив подражания Бенедиктову и Соколовскому. При этом направление поэзии Милькеева для критика газеты было приемлемым, и он признавал талант поэта.

Для Белинского же анонсы сборника Милькеева поместили поэта в контекст других «поэтов-самоучек», претендующих на оригинальность ввиду своего «народного» происхождения. Поэты-самоучки — поэты из непривилегированных классов (не только крестьяне), имевшие затрудненный доступ к образованию и благодаря этому ставшие заметными в литературе и дворянской культуре XIX века [Шеля: 95–96]. Как известно, Крылов и Державин не аттестовали себя в качестве самоучек, хотя тоже овладевали стихосложением с трудом. Как показывает в своей работе А. Шеля, ниша поэтов-самоучек зародилась в России в 1820-е гг. по типу английской модели: русские поэты-самоучки стали писать стихи в жанрах описательной поэзии и басни, воспроизводя образ благонамеренного идиллического поселянина, воспитанника природы. Уже в 1830-е гг. пастораль стала все менее удовлетворять критику, испытавшую влияние романтических концепций народной поэзии [Шеля: 104–105]. В это время А. В. Кольцов и его наставники выбрали в качестве нового подходящего поэту из народа жанра «русскую песню». «Русская песня» как литературная форма, ориентированная на подражание фольклорной лирике, хотя и была популярной в литературе конца 1820-х гг., до Кольцова не связывалась с позицией поэта-самоучки см.: [Шеля]. В 1840-е гг. Кольцов был канонизирован В. Г. Белинским как поэт-самоучка и поэт-песенник, и таким образом фигура Кольцова задавала модель, по которой стали выстраиваться литературные траектории всех последующих поэтов-самоучек вплоть до Есенина [Шеля: 138].

Сборник Милькеева вышел в свет в 1843 г. — через год после смерти Кольцова. В начале 1840-х гг. кольцовская гениальность была признана только близким поэту кружком, а литераторы старшего поколения не придавали ему особого значения. Программная статья Белинского о жизни и творчестве Кольцова выйдет в 1846 г., а в первой половине 40-х годов критик будет вести

последовательную борьбу за наследие Кольцова (об этом подробнее см.: [Шеля: 132–138]).

Как было показано выше, Плетнев и Шевырев предлагали своего, связанного с литературными кругами поэта-самоучку, и, как нам кажется, именно их выступления в печати послужили импульсом к написанию Белинским столь подробной разгромной рецензии на сборник Милькеева. Свою рецензию критик закончил с отсылкой на анонсы сборника:

Стоило ли приезжать в Москву с берегов Иртыша, если это было за тем только, чтоб издать книжку таких стихотворений? Стоило ли о таком переезде писать в журналах и ожидать от него столь многого для русской поэзии? Стоило ли в журналах извещать публику, как о чем-то важном, о скором выходе в свет таких стихотворений? [Белинский 1955: VII, 609]

При этом Белинский, очевидно, в большей мере нападал на Шевырева, как в связи с концепцией поэта Милькеева в анонсе, так и в рамках уже развернувшейся с ним полемики. В 1842 г. была написана знаменитая статья Белинского о Шевыреве «Педант. Литературный тип», где критик обвинял Шевырева в том числе в покровительстве «всему бездарному и ложно моральному» [Белинский 1955: VI, 74]. О том, что Белинский полемизировал с Шевыревым, свидетельствует структура его рецензии: он позаимствовал у Шевырева метафору поэта-актера и построил с ее помощью распространенное вступление. В нем он воспроизводил свои мысли о таланте истинном и случайном, выраженные в ряде статей о Мочалове и Каратыгине («И мое мнение об игре г. Каратыгина» (1835), «Г-н Каратыгин на московской сцене в роли Гамлета» (1838), «Гамлет, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838))¹⁴. Апелляция к Мочалову как «таланту невыработанному, одностороннему, но вместе с тем сильному и самобытному» [Белинский «И мое мнение об игре г. Каратыгина»] предваряла центральное в рецензии утверждение Белинского о Кольцове как истинном таланте среди самоучек:

Самородные поэты особенно замечательны потому, что на их творениях, как бы ни были они грубы и необделанны, всегда лежит печать оригинальности, столь часто чуждой обыкновенным талантам. Таков был Кольцов, стихотворения которого, дышащие самобытным вдохновением и талантом, до того оригинальны, что нет никакой возможности подделаться под их простую и наивную форму. Но увы! не к таким поэтам принадлежит самородный поэт г. Милькеев, если только

¹⁴ В рецензии, как и в одной из этих статей, присутствует цитата из «Моцарта и Сальери» Пушкина: «безумец, гуляка праздный».

принадлежит он к каким-нибудь поэтам. Не только самобытности и оригинальности, — в его стихах нет даже того, что прежде всего составляет достоинство всяких порядочных стихов: нет таланта поэтического [Белинский 1955: VII, 605].

Критик напал на Милькеева, который единственно благодаря своему происхождению претендовал на звание самобытного таланта:

Человек недоволен своим положением, им овладевает сильное, неодолимое стремление вырваться из тесного круга, в который поставила его судьба: это еще не значит, чтоб внутренний голос этого человека звал его сделаться великим деятелем в сфере истории или искусства; чаще всего этот внутренний голос означает не более, как стремление сделаться просто человеком [Белинский 1955: VII, 605].

Предполагаем, что содержание автобиографической записки немаловажным образом спровоцировало сравнение Милькеева с Кольцовым. Можно указать на значительные совпадения между автобиографической запиской и первыми биографиями Кольцова, опубликованными Я. М. Неверовым в 1836 г. (см. пример в Таблице 3.1.). Скорее всего, автобиография Милькеева, датирующаяся 1838 г., была составлена с ориентацией на эти тексты; в любом случае своей хронологической близостью она отсылала читателя к биографиям Кольцова, а не самоучек 1820-х — начала 1830-х гг. В частности, значительное совпадение в том, что в обеих биографиях приводится процесс самостоятельного изучения «механизма стиха», причем процесс этот стихийный — «нечаянно попадаетея книга» (см. Таблицу 3.1). Такого описания мы не находим у предшествовавших Кольцову и Милькееву поэтов-самоучек. Оно является свидетельством более позднего влияния иррационалистических теорий искусства. Алипанов, к примеру, «руководствовался словарем древней и новой Поэзии Г. Остолопова» при написании стихов [Алипанов], биографии Слепушкина также не уделяют внимания процессу стихотворства, см.: [ОЗ, 1823, ч. 13; ОЗ, 1825, ч. 22].

Белинский уже в 1839 г. в своем разборе XII т. «Современника», где была напечатана упомянутая выше статья Плетнева о «Путешествии Жуковского по России», заметил автобиографию Милькеева:

<...> жалеет, что пределы журнальной статьи не позволяют нам выписать этого письма — образец благородства чувствований, теплоты души, благородной и безыскусственной простоты изложения и самобытности характера [Белинский 1953: III, 51].

Таблица 3.1

| | |
|--|--|
| Я. М. Неверов. Поэт-прасол (1836) | Автобиографическая записка Милькеева (1838) |
| <p>по воле родителей оставил учебу на одиннадцатом году <...> Нечаянно на базаре попадает ему книга, которую продавали за весьма доступную для него цену— то были стихотворения Дмитриева. Кольцов покупает книгу, в восторге приходит домой, и бежит в сад, чтоб на свободе заняться чтением. <...> он упивается гармониею стиха, сладкозвучностью рифм, и от частого повторения выучивает многие пьесы наизусть. <...> Кольцову минуло 16 лет. <...> Не имея понятия о размерах и правилах версификации — выбрал одну из пьес Дмитриева, и прочтя ее несколько раз, начал подражать его стиху. <...> Но некому было показать свои опыты</p> | <p>Одиннадцати лет из уездной школы отдали меня на службу <...> Первая хорошая книга, которая попалась мне в руки, была басни Крылова: я им чрезвычайно обрадовался, так что вытвердил их наизусть, и помню большую часть теперь. По ним я стал учиться рифмам и излагать стихами разные сказки. <...> Решительное желание сделаться стихотворцем овладело мною при чтении Плутарха, когда мне было от роду лет шестнадцать: я воспламенился и с величайшим усердием ломал голову над рифмами: не разумея стоп и размера, утешался только созвучиями. <...> Прибегнуть к кому? Те, с которыми я мог сблизаться, не могли откликнуться на мои вопросы.</p> |

В своей рецензии на сборник Белинский повторяет эти похвалы и подчеркивает, что описанное в автобиографии доказывает, что Милькеев — «поэт самородный», «поэт-самоучка». Однако содержание сборника, с точки зрения Белинского, делало его самозванцем как в поле поэтов-самоучек, так и в литературе в целом.

Сборник Милькеева состоял из подражаний Жуковскому, Бенедиктову, Пушкину, Шевыреву, Хомякову и другим современным поэтам. Важным элементом рецензии являлось обличение Милькеева как подражателя Бенедиктова — поэта, еще недавно дискредитированного Белинским и претендовавшего на место, предназначенное критиком для Лермонтова (окончательное развенчание Бенедиктова произошло в 1842 г. после выхода в свет третьего издания его «Стихотворений», подробнее об этом см.: [Розанов: 55–67]). Белинский выбрал самые слабые стихотворения Милькеева, которые и послужили основанием для отказа самозванцу в поэтическом таланте. Например, в сборник вошло стихотворение «Русское вино», в котором Белинский увидел пропаганду простонародности — им он эффектно окончил статью и в течение последующих двух лет пользовался как удачной иллюстрацией московских понятий о народности. Нам представляется, что немаловажным фактором здесь также был и выбор жанров: поэзия Милькеева находилась вне сложившейся к этому времени жанровой традиции поэтов-самородков. В сборнике нет ни описательных

стихотворений, ни басен, а из 68 текстов всего два являются фольклорными стилизациями («Сирота» и «Дума») ¹⁵.

Несмотря на то что сборник был действительно довольно слабым поэтически, наш анализ этого историко-литературного сюжета позволяет сделать вывод, что позиционирование Милькеева как «поэта-самоучки» и выступления в печати литераторов, поддержавших его сборник, послужили причиной разгромного отзыва Белинского, исключившего Милькеева из литературного поля.

¹⁵ Напомним, что басни сохранились в корпусе стихотворений Милькеева, описанном во второй главе работы. Ни одна из них не была опубликована при жизни поэта. Кроме того, в 1838 г. Милькеев явно был заинтересован в работе в жанре песни/фольклорной стилизации, но его эксперименты так и остались единичными, а в печати появилось всего два таких текста.

Заключение

Основной задачей нашего исследования было критическое рассмотрение биографии и литературной репутации Е. Л. Милькеева. Его судьба представляет собой интересный материал для изучения типологии литературных дебютов провинциалов и поэтов из непривилегированных классов середины XIX века. В этой связи необходимо отметить, что, обратившись к работам о Милькееве предшествующих исследователей, мы наткнулись на преувеличение значения классового антагонизма, вполне характерное для советского периода, но сохранившееся и в наше время, как мы можем наблюдать по предисловию к современному изданию произведений поэта см.: [Стрижев].

Хотя Милькеев действительно был небогатым человеком, у него имелось личное дворянство, а до знакомства с Жуковским, ставшим его патроном, он служил в канцелярии генерал-губернатора Главного Управления Западной Сибири, который, скорее всего, и представил чиновника Жуковскому. К 1846 г. Милькеев имел чин титулярного советника и служил в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел — это место он получил, очевидно, не без участия своего покровителя И. Г. Сенявина, благодаря которому в 1843 г. вышел сборник стихов поэта. Это обстоятельство ранее не отмечалось исследователями, между тем оно позволило конкретизировать до сих пор неизвестную дату смерти Милькеева (между 1 декабря 1846 г. и 1 декабря 1847 г.) и считать Санкт-Петербург, а не Москву его последним местом жительства.

В целом положение Милькеева значительно отличалось от положения поэтов-крестьян и поэта-прасола А. В. Кольцова. Вместе с тем литературное амплуа тобольского поэта основывалось на образе поэта-самоучки, что, как мы показали в третьей главе работы, послужило причиной для разгромной рецензии Белинского. Позиция «необработанного таланта», вынужденного самостоятельно усваивать стихосложение, противоречила избранному Милькеевым и его покровителями поэтическому направлению.

В ходе работы нам удалось гипотетически датировать части творческого наследия поэта. Это позволило увидеть, что до знакомства с Жуковским Милькеев в том числе писал басни (основной жанр для поэтов-самоучек), а в 1838 г. пробовал себя в жанре песни и фольклорной стилизации. Эти тексты не печатались при

жизни, кроме двух стилизаций, вошедших в сборник. Предпочтение в литературной программе поэта было отдано другим темам и жанрам. В заключение заметим, что наши наблюдения над поэтикой Милькеева были призваны подкрепить историко-литературные реконструкции и потому носили несистематический характер. Несомненно, и жанровое своеобразие сборника Милькеева, и вопрос о месте его лирики в общей системе позднего русского романтизма, должны быть исследованы отдельно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

І. Источники

Неопубликованные

1. Жуковский — Плетневу с приложением письма Милькеева к Зимовскому Николаю Яковлевичу от 3 января 1839 // РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 245.
2. Милькеев Евгений Лукич. «На ложе холодном в одну из ночей...». Фрагменты стих. // РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 62.
3. Милькеев Евгений Лукич. Тетради (5) его стихов и прозы. // РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. Ед. хр. 63.
4. Милькеев. "Каролине Карловне". (По случаю жизни в Сокольниках). Стихотворение. // РГАЛИ. Ф. 345 Оп. 1. Ед. хр. 1007.
5. Письма Милькеева к Плетневу // РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430.
6. Рогожин Н. П. Материалы к библиографическому «Словарю русских писателей, вышедших из трудовой среды» и др. (Биографические и библиографические справки) // ОР РГБ. Ф. 683. К. 3. Ед. хр. 5.
7. Розанов И. Н. Евгений Лукич Милькеев. Статья. [1910-е-1920-е] // ОР РГБ. Ф. 653. К. 25. Ед. 29.

Опубликованные

8. Аксаков — *Аксаков С. Т.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. III. М. 1966.
9. Алипанов — *Алипанов Е. И.* Стихотворения крестьянина Егора Алипанова. СПб., 1830.
10. Белинский — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953—59.
11. Бенедиктов — *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л., 1939.
12. Венгеров — *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей: В 4 т. СПб. 1900—1917.
13. Ершов — *Ершов П. П.* Конек-Горбунок: Избранные произведения и письма. М., 2005.
14. Жуковский 1901 — Из неизданных писем В. А. Жуковского. Публикация И. А. Бычкова // Русская Старина. 1901. № 7. С. 98—109.
15. Жуковский 1999 — *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999 —.

16. Жуковский 2009 — Переписка Жуковского с А. П. Елагиной (1813-1852). М., 2009. С. 445.
17. Месяцеслов — Месяцеслов и общий штат Российской империи на [1830-1849]. СПб, 1830-1849.
18. Милькеев 1843 — *Милькеев Е. Л.* Стихотворения Е. Милькеева. М., 1843.
19. Милькеев 1972 — *Милькеев Е. Л.* Стихотворения. Поэты 1840—1850. Л., 1972. С. 451–473.
20. Милькеев 1977 — *Милькеев Е. Л.* Подборка из 25 произведений. Литературные фантомы. Тюмень, 1977.
21. Милькеев 1997 — *Милькеев Е. Л.* Стихотворения. Литературные фантомы: Избранные произведения. Тюмень, 1997.
22. Милькеев 2010 — *Милькеев Е. Л.* Стихотворения. Поэмы. Письма. Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. А. Н. Стрижев. Тобольск, 2010.
23. Милькеев 2015 — *Милькеев Е. Л.* «На ложе холодном, в одну из ночей...», «Молитва Иверской». Молитвы русских поэтов. Антология. М., 2015.
24. Москва в родной поэзии — *ред. Пономарева С. И.* Москва в родной поэзии. СПб., 1880.
25. Неверов 1836а — *Я. Н.* <*Неверов Я. М.*> Стихотворения Алексея Кольцова. // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Ч. 9. С. 653–658.
26. Неверов 1836б — *Неверов Я. М.* Поэт-прасол, Алексей Васильевич Кольцов. // Сын Отечества. 1836. Ч. 176. С. 259–272, 309–354.
27. Павлова — *Павлова К. К.* Полное собрание стихотворений. М., 1964.
28. Панаев — *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988.
29. ПГП — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: В 3 т. СПб., 1896.
30. Плетнев — *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка: В 3 т. СПб., 1885.
31. Розенгейм — *М-Р-Ъ* <*М. П. Розенгейм*>. Заметки празднующегося // Отечественные записки. 1861. №11. Отд. VI. С. 1–30.
32. Сенковский — <*Сенковский О. И.*> Новые книги. Стихотворения Е. Милькеева. // Библиотека для чтения. СПб., 1844. Т. 62. Отд. VI. С. 1–6.
33. Слепушкин — *Слепушкин Ф. Н.* Досуги сельского жителя: Стихотворения русского крестьянина Федора Слепушкина. СПб., 1826.
34. Хомяков 1839 — *Хомяков А. С.* Ему же. // «Отечественные записки», 1839, № 5, с. 134.

35. Хомяков 1900 — *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1900—06.
36. Хомяков 1969 — *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Ленинград, 1969.
37. Шевырев — *Шевырев С. П.* О выходе в свет стихов Милькеева // Москвитянин. 1842. № 7. С. 400–404.

II. Исследования

38. Азадовский — *Азадовский М. К.* Неизвестный поэт-сибиряк (Е. Милькеев) // Азадовский М. К. Статьи и письма: неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 15–42.
39. Винокур — *Винокур Г. О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997.
40. Гаспаров — *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих: метрика и ритмика. М., 1974.
41. Гинзбург — *Гинзбург Л. Я.* О лирике. М. 1997.
42. Горбенко — *Горбенко Е. П.* К биографии Милькеева // Русская Литература. 1983. № 1. С. 197–207.
43. Горбенко — *Горбенко Е. П.* Милькеев Е.Л. // Русские писатели 1800–1917. Т. IV. М., 1999. С. 60–61.
44. Доброхотов — *Доброхотов Б. В.* А. А. Алябьев. Творческий путь. М., 1966.
45. Калугин — *Калугин Д. Я.* Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб., 2015.
46. Копылов, Прибыльский — *Копылов Д. И., Прибыльский Ю. П.* Тобольск. Свердловск, 1975.
47. Лотман — *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора). // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1986. Вып. 683. С. 106–121.
48. Осповат — *Осповат А. Л.* "Как слово наше отзовется...": О первом сборнике Ф. И. Тютчева. М. 1980.
49. Постнов — *Постнов Ю. С.* Е. Л. Милькеев // Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970. С. 326–341.
50. Поэты 1840–1850 — *Шнейдерман Э. М.* Е. Л. Милькеев // Поэты 1840–1850. Л., 1972. С. 450.

51. Проскурина — *Проскурина В. Ю.* Литературная позиция журнала «Современник» 1838-1846 гг. М., 1985.
52. Розанов — *Розанов И. Н.* Литературные репутации. М., 1990.
53. Тимофеев — Тимофеев Г. А. А. Алябьев. Очерк жизни и творчества. М., 1912.
54. Томашевский — *Томашевский Б. В.* Литература и биография. // Книга и революция. №4 (28) 1923.
55. Утков — *Утков В. Г.* Поэтический подмастерье Евгений Милькеев // Утков. В. Г. Люди. Судьбы. События. Новосибирск, 1970. С. 142–170.
56. Шеля — *Шеля А.* «Русская песня» в литературе 1800–1840-х гг. Тарту, 2018.

Сокращения

ЛГ — Литературная газета.

Москв. — Москвитянин.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 4. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. СПб., 1899.

ОЗ — Отечественные записки.

Совр. — Современник.

РС — Русская Старина.

РА — Русский Архив.

Приложение

Летопись жизни и творчества Е. Л. Милькеева

1815

<...>, <Тобольская губерния>. Родился в семье мелкого канцелярского служащего Луки Милькеева.

[Совр., 1839, Т. XII: 5–22]

ок. 1818

<...> <Тобольск>. М. лишается отца.

[Совр., 1839, Т. XII: 5–22]

ок. 1823–1826

Обучается в тобольском уездном училище («уездной школе»).

[Совр., 1839, Т. XII: 5–22]

ок. 1826

Начинает службу писцом. В канцелярии Губернского управления Тобольской губернии.

«Одиннадцати лет <...> отдали меня на службу в одно губернское место, где надлежало мне доучиваться почерку и грамоте, перебеляя черновые сочинения канцелярских писателей» [Совр., 1839, Т. XII: 5–22].

1829

20 июня, Тобольск. Из губернского управления перемещен по собственному прошению на службу в канцелярию генерал-губернатора Главного управления Западной Сибири.

[Утков: 149-150]

ок. 1833

Начинает писать стихи.

«<...> Решительное желание сделаться стихотворцем овладело мною при чтении Плутарха, когда мне было от роду лет шестнадцать: я воспламенился и с величайшим усердием ломал голову над рифмами» [Совр., 1839, Т. XII: 5–22].

1837

2 июня, Тобольск. Встреча с Жуковским. Запись в дневнике Жуковского:

«Пребывание в Тобольске. Ширков. Евгений Милькеев. Ершов. Осмотр училища и выставки. Прием чиновников. Архиерей Афанасий. Губернатор Повало-Швейковский. Голофеев. Комендант Жерве. Мурзы киргизские. Иван Семенович Пестов. Чтение бумаг к(нязя) Горчакова. О соединении Сибири. О ссыльных. — После обеда у Горчакова с Арсеньевым. В 9 часов бал. Вечер после бала дома. Простуда» [Жуковский 1999: XIV, 55].

<Январь–февраль> Приезд в Санкт-Петербург <со столоначальником>.

«<...> надобно приняться за все, потому что ничего не знаю; надобно сесть за одну лавку с детьми, а мне двадцать три года: невозможно! <...> В таких обстоятельствах, к исполнению моего желания и вашей воли, существует разве один способ, одно средство: надобно искать такого рода службы, при которой бы, с отправлением обязанности, соразмерной моим способностям, я мог иметь время для учения» [Совр., 1839, Т. XII: 5–22].

9 марта, Петербург. Жуковский пишет рекомендательное письмо Шевыреву. Просит познакомить М. с Погодиным и Баратынским; посылает автобиографическую записку и просит ее вернуть через А. М. Тургенева. В письме Жуковский упоминает о своем разговоре с попечителем московского учебного округа графом С. Г. Строгановым, чьей поддержкой он заручился. [РС, 1901, №7: 98]

17 марта, Москва. А. М. Тургенев — Жуковскому.

«<...> Слышал и слышу часто многих пустоголовых обоего пола, которые кричат во все горло, что невозможно родиться гению в России. Климат, климат, повторяют пустоголовые, не допускает развернуться талантам. Ну, вот, где г. Милькеев родился? В каком климате? Надобно пожить в Тобольске, чтобы узнать и испытать благорастворения тамошних воздушных! — Евгений Лукич был у меня, обещал прийти от гр. Строгонова, но не приходил и потому не знаю, как был он принят и приютит ли его Сергей Григорьевич. Что мог, я предложил Милькееву: жить у меня, комната есть. Более этого не могу служить. У С. П. Шевырева был. Вчера доставил он мне поданную в Тобольске тебе биографию Милькеева; по глаголу твоему, препровождаю ее милости твоей. Завтра, после обедни, пойду отыскивать Милькеева в Шевалдышевском трактире, где бедняк пристал; узнать, не захворал ли? Чем-нибудь, если будет потребно, готов помогать сироте» [РА, 1908, ч. 11: 396].

<Март–апрель> Москва. В Москве кроме А. М. Тургенева его встречают Шевырев, Хомяков, А. П. Елагина.

«<...> Чуть ли не в первый раз вы не ошиблись в человеке. — Мне жаль, что он едет отсюда, не достигнув желанной цели, но нерешимость его происходит от такого доброго чувства, которое ручается за его поэтическую возвышенность. Он не может решиться оставить матери, у которой он один, и меняет на скучные попечения о старухе всю надежду на будущее свое образование. <...> Его приняли здесь с участием и стараются расколыхать его. Шевырев необыкновенно с ним добр и возится всеми силами, также Хомяков, которого высокая душа умеет приблизить к себе все, что имеет чувства или мысль. [Жуковский 2009: 445].

<Апрель> (30 мая) (Пасха), Москва. Письмо Шевырева к В. Ф. Одоевскому; передано с М. («перед тобою Милькеев»). Краткая справка о М. из его автобиографической записки. Шевырев рекомендует Одоевскому тексты М.: «Молитва», «Гроза», «Свет и Мрак», «Миг», «Монах», «Сибирские клады», «Элегия», «Избранному», «Муза», «Песня» и предлагает напечатать отдельные стихи М., «если Жуковский позволит», в «Литературных прибавлениях», считая, что это будет полезно и поэту («Это придаст ему сознание сил, а он в этом нуждается»), и изданию («Стихи же его гораздо лучше Тимофеевских, Бернетовских и прочих, которыми вы затыкаете щели вашей газеты»).

[РС, 1904, № 5: 371]

<Апрель> *Петербург*. М. возвращается в Петербург. Жуковский просит Плетнева познакомиться с М., а также приглашает Плетнева к себе для того, чтобы поговорить о М.

«Нельзя ли вам ко мне побывать, чтобы порядком переговорить об нем. У меня прочтется и его письмо, и письмо Шевырева» [Горбенко 1983: 202].

3 мая. Жуковский уезжает в Западную Европу с наследником, что обуславливает крайнюю датировку возвращения М. в Петербург из Москвы.

[Горбенко 1983; Жуковский 1999: XIV, 382]

<Июнь> Отбытие в Тобольск. Злоключения в дороге. Спутник М. выставляет его сумасшедшим, и М. заточают в больницу в Кунгуре, Пермская губерния. Из больницы его вывозят «добрые люди» из Тобольска (скорее всего, мать и родственники, с которыми он воссоединяется в Тюмени), предоставив выданное ему за полгода отсутствия жалование.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 245. Л. 4–4 об.]

Конец июня. По пути в Тобольск М. останавливается в Тюмени у родственников и там же видится с матерью [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 245. Л. 4–4 об.]. В Тюмени М. получает составленное Жуковским собрание книг:

«В числе их не получил я, по росписи,— «Опыта о русском стихосложении» Востокова, «Истории средних веков» Шульгина и «Курса географии» Шульгина кроме того, не оказалось при Илиаде «Карты Троянской осады», а при «Атласе древнего света» Брута объяснительной таблицы к последней, XXIII карте. <...> к прекрасному собранию доставленных мне книг я желал бы, если позволено, присоединить еще несколько необходимых сочинений по части естественной истории и современного познания Земного Шара, например: Путешествие вокруг света Дюмон-Дюрвиля, Путешествие в Южную и Северную Америку и Путешествие в Азию и Африку» [Горбенко 1983: 205].

Октябрь. Приезд в Тобольск.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 245. Л. 4–4 об.]

1 октября (ц.р.). XII т. «Современника» открывает статья Плетнева «Путешествие Жуковского по России».

[Совр., 1838, т. XII: 5-22]

<Ноябрь> К. К. Павлова пишет посвящение М.-ву.

Датировка по: [Павлова: 76] — авторы не объясняют датировку.

2 декабря, СПб. Н. Я. Зимовский¹⁶ пишет письмо М. Сообщает о том, что до него дошли слухи о злоключениях М. и он передал сведения о нем Плетневу; советует оставить Сибирь и на случай приезда предлагает приютить М. в своей квартире в Петербурге.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 245. Л. 4–4 об.]

¹⁶ Николай Яковлевич Зимовский служил в департаменте Министерства государственных имуществ (См.: Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей: в 3 т. Т. II. СПб., 1844. С. 499).

1839

21 декабря 1838 (ц.р.). «Современник» т. XIII: Эм---в, «И как светло». В сноске: «Эта подпись в нашем издании будет означать стихотворения поэта, о котором помещено известие в XII томе „Современника“».

3 января, Тобольск. М. отвечает Зимовскому, повествует от своих несчастях в дороге и о невозможности заниматься учением. Просит показать это письмо Плетневу, а также «заглянуть, если не лень», в «Современник» и прочесть статью о нем.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 245. Л. 4–4 об.]

<Январь-февраль> Получает письмо от друзей, в котором М. зовут в Москву:

«Недавно я получил из Москвы весьма приветливое письмо, где журят меня за мое непростительное молчание и зовут к себе» [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 1–2.].

22 февраля, Тобольск. М. пишет Плетневу. Сообщает о том, что генерал-губернатор П. Д. Горчаков лишил его места. Просит напечатать стихи в надежде на доход:

«Думаю, что в моих обстоятельствах решимость на тиснение весьма несовершенных плодов слабого дарования не будет принята за какую-нибудь ребяческую жажду славы или за внушение щепетильного и низкого расчета».

В письме есть исправления к стих. «Молитва». К письму прилагалась тетрадь стихов («стихи написаны почти все в нынешнем году») и письма приятелям о злключениях на пути в Тобольск.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 1–2.]

«Современник» Т. XIV. Эм---в, «Сон Ломоносова».

3 марта, Тобольск. Письмо Плетневу. Детали планируемого путешествия в Москву.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 3–4.]

24 марта, Тобольск. Письмо Плетневу о скором отъезде. Стихотворения «Прощание с родиной», «Пасха».

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 5–8.]

1 апреля, Тобольск. Уезжает из Тобольска один.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 9.]

3 апреля, Москва. Письмо Н. Ф. Павлова А. А. Краевскому, в котором тот передает желание супруги напечатать вслед за ее стихотворением М.-ву послание А. С. Хомякова.

[Павлова: 549]

14 апреля (ц.р.). В ОЗ появляются посвящения М.-ву К. К. Павловой и А. С. Хомякова: «Неизвестному поэту» и подписью: -ва- (датируется ноябрем 1838 г. — см. выше); «Ему же» А. С. Хомяков (в собраниях соч. Хомякова датируется по ОЗ — 1839, см.: [Хомяков 1900; Хомяков 1969]).

<Апрель-май> Селится в Москве. Н. А. Мельгунов находит ему квартиру и учителя немецкого языка, а также выделяет средства для переезда матери М. в Москву¹⁷. По приезде в Москву посещает графа С. Г. Строганова, который «обнадежил употребить свое содействие к доставлению мне места, но через несколько дней сказал, что он не может найти его с жалованьем до 1000 или 1200 р.».

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 9-11]

22 мая, Москва. М. пишет Плетневу, что общее желание его друзей обязывает его остаться в Москве, хотя «здесь к сожалению, нет большой надежды на покровительство и подпору со стороны людей сановитых» (о Строганове). М. сразу хотел оправиться в Петербург, но его остановили и посоветовали написать Плетневу и спросить, как следует поступить.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 9–10.]

18 июля, Москва. Письмо М. Плетневу. Пишет о том, что был принят на службу в Губернское правление сверх штата. Просит Плетнева передать сведения о себе Жуковскому, вернувшемуся из заграничного путешествия.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 10–11.]

27 июня 1839 (ц.р.). «Современник» т. XV: Эм---в, «Сцена канцелярная»; Эм---в, «Беспокойство» (Зачем, на лоне тишины...).

26 ноября, Петербург. С. Т. Аксаков встречается с Жуковским. Беседуют о Гоголе, Милькееве:

«Жуковский также много говорил со мной о Милькееве, принимая теплое участие в его судьбе. Он читал мне многие его письма, которые несравненно лучше его стихов, имеющих также достоинство, хотя одностороннее. Письма Милькеева очень меня разогрели, и я разделял надежды Жуковского, не оправдавшиеся впоследствии» [Аксаков: III, 173].

1840

«Современник» т. XIX: Эм---в, «Художник».

20 мая, Москва. А.С. Хомяков упоминает М. в письме к Н.М. Языкову.

«М., тебе неизвестный сибиряк, растет не по дням, а по часам и пишет славные вещи. Жаль, что я ничего наизусть не помню, а то стоило бы тебе сообщить».

[Хомяков: VIII, 95]

Июль. Стихотворение на день рождения К. К. Павловой.

Датировка по: [Милькеев 1843]

12 августа. Вяземский пишет находящемуся за границей Жуковскому о том, что передал ему письмо от М.

[РА, 1900, т. I: 384]

¹⁷ По воспоминаниям Панаева, Павлов и Хомяков спорили о том, какой язык следует учить М. — французский или немецкий [Панаев 1988: 195].

7 сентября, Москва. Письмо Плетневу. Сетует на то, что уже год живет в Москве и до сих пор не имеет служебного места. Оставил уроки немецкого и переехал на новый адрес: Землянка, Грязный переулок, дом Смирнова. Не может заниматься из-за бедности. Спрашивает о том, можно ли приехать в Петербург. Просит в долг 200 рублей. Отправляет перевод стихотворения Гете *Wiederfinden*: «Свидание (из Гете)». Плетнев отправляет деньги — помета на письме: «получено 10 сен, ответ 11 сен».

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л.12.]

1841

«Современник» т. XXI: Эм---в, «Свидание»

«Современник» т. XXII: Эм---в, «Абалак»

«Современник» т. XXIII: Эм---в, «Из Иова»; Эм---в, «Сухарева башня»

«Современник» т. XXIV: Эм---в, «Затворницы»

<Январь-февраль> В Москву приезжает мать М.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 13-14.]

6 марта, Москва. Письмо Плетневу. Просит прощения за то, что не писал с прошлого года. Пишет о том, что Жуковский его поддерживает, и просит собрать стихи в одну тетрадь и исправить их. Пишет о приезде матери в Москву. Она заняла в Тобольске 350 рублей для приезда в Москву, и потому М. просит Плетнева выслать 200 рублей. Помета на письме: «получ. 10 марта, не отвечал». М. поменял место проживания: на Зацепском валу, в 3-м Монетческом переулке, в доме Шекавиной.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 13-14.]

<Март-май> **Москва.** Через Жуковского М. получает место без жалованья в канцелярии московского гражданского губернатора И. Г. Сенявина:

«...для узнания канцелярских обрядов и юристики (потому что меня предполагают в судебные секретари) приглашен я посещать канцелярию гражд. губернатора, где и занимаюсь теперь, покамест без жалованья.»

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 15.]

19 июня, Москва. Письмо Плетневу. Просит прислать 100 рублей, Плетнев отправляет деньги.

[РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 15.]

1842

«Современник» т. XXV: Эм---в, «Воспоминание»; Эм---в, «Лилея»; Эм---в, «Слезы».

28 июня, Москва. Ст. с. И. Снегирев выдает цензурное разрешение на печать сборника стихотворений Милькеева.

Датировка по: [Милькеев 1843]

10 августа (ц.р.). «Москвитянин», ч. 4, №7: С. Ш<евырев>. Литературные известия: о выходе в свет стихов Милькеева. В статье печатается стихотворение М. «Колокол в Кремле».

25 сентября (ц.р.). «Москвитянин», ч. 5, №9: Е. Милькеев «К. К. П[авло]вой (В альбом)»

2 декабря, Москва. А. И. Тургенев — Вяземскому:

«Читал ли Милькеева, protégé Жуковского из Сибири. Как скоро отпечатается — пришлю. «Разбитый колокол» его гудит превосходно и наводит какое-то безотчетное уныние на душу. Есть и другие хорошие стишки, хотя не первоклассные; но и то много для секретаря губернаторского, из Сибири вырвавшегося».

[ОА, т. IV: 193]

1843

«Современник» т. XXIX: Е. Л. Милькеев, «Поэту»; Е. Л. Милькеев, «Псалом на Голиафа»; Е. Л. Милькеев, «Зима».

«Современник» т. XXX: П. А. Плетнев. Стихотворения Е. Милькеева.

22 марта, Москва. М. пишет Плетневу об издании сборника «в количестве более 400 экземпляров». Сообщает о договоренности с петербургским книгопродавцем Матвеем Дмитриевичем Ольхиным, который обещает 2 руб. ассигнациями за экземпляр, если ему понравятся мнения о книге петербургских литераторов; в продаже книга за 1 рубль серебром. М. отправляет один экземпляр Плетневу.

[Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 16.]

<Март–апрель> Выходит в свет сборник «Стихотворения Е. Милькеева».

17 апреля, СПб. Плетнев читает недавно изданный сборник М. у себя на вечере:

«Что за прелесть есть в его пьесах. Вот поэт прежней школы! Как он ровен, крепок и полон живой поэзии! Непременно выпиши его».

[ПГП: II, 57–58]

20 апреля, СПб. Плетнев везет стихи М. к Великой княжне Ольге Николаевне. Чтение сборника продолжается на протяжении трех вторников, в которые Плетнев посещает дворец.

[ПГП: II, 60–61]

18 июля. «Литературная газета», №28. Анонимная рецензия. Критика и библиография. Русская литература. «Стихотворения г. Милькеева. Москва. 1843».

31 июля (ц.р.), вып. в свет 1 августа. Отечественные записки. 1843. т. 29. №8. Отд. VI. Библиографическая хроника. «Стихотворения Милькеева».

[Белинский: VII, 606-610]

Декабрь, 1843 (ц.р.). <Сенковский О. И.> Новые книги. Стихотворения Е. Милькеева. // Библиотека для чтения. СПб., 1844. Т. 62.

1844

25 августа, Москва. Письмо М. — М. П. Погодину о доставке журнала «Москвитянин» Сенявиным: И. Г. Сенявину в Петербург, его супруге в Задонск.

[ОР РГБ. Ф. 231/II, К. 21, Ед. хр. 6; Горбенко 1983: 197–207]

1845

<Август> М. подает прошение об определении его на службу в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. В 1844 г. И. Г. Сенявин был назначен в должность товарища министра внутренних дел.

[РГИА. Ф. 1287 Оп. 46 Д. 117; Адрес-календарь 1845]

1846–1847

Служит в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел. 1 декабря 1846 г. числится в списке служащих Хозяйственного департамента, в списках начиная с 1 декабря 1847 г. отсутствует. Мы считаем эту дату крайней датой смерти Милькеева.

[Адрес-календарь 1846, 1847, 1848]

1850

4 марта. Письмо Плетнева Жуковскому: М., «увы, совсем исчез из виду!»

[Плетнев: III, 642]

1855

Стихотворение Павловой «Памяти Е. М.» датировано 1855 г. (Петербург), впервые — в сборнике 1863 г.

[Павлова: 185, 570]

Послужной список (реконструкция)

Милькеев Е.Л. (род. 1815 — 1846 (?))

| Год | Место | Чин | Должность | Начальник | Ссылка |
|-------------------------------|---|-----------|---|---|--|
| 1826 | Губернское правление, г. Тобольск | - | канцелярист | (председатель Н. В. Жуковский) | Совр., 1839: Т. XII. 5–22; Утков 1970: 149-150, ссылка на ГАОО |
| 1829 (20 июня ¹⁸) | Канц. генерал-губернатора Главн. управления Зап. Сибири | - | канцелярист | (Генерал-губернатор И. А. Вельяминов) | Утков 1970: 149-150, ссылка на ГАОО |
| 1831 | Канц. генерал-губернатора Главн. управления Зап. Сибири | К. Рег. | В списках чиновников для письма высшего разряда | (Генерал-губернатор И. А. Вельяминов) | Утков 1970: 149-150, ссылка на ГАОО |
| 1833 | Канц. генерал-губернатора Главн. управления Зап. Сибири | К. Рег. | Журналист | Столоначальник 3-го отделения К. Асс. В. И. Ярославский | Утков 1970: 149-150; Адрес-календарь 1834 г. 2 ч. |
| 1834 | Канц. генерал-губернатора Главн. управления Зап. Сибири | К. Рег. | Журналист | Столоначальник 3-го отделения К. Асс. В. И. Ярославский | Адрес-календарь 1835 г. 2 ч. |
| 1835 | Канц. генерал-губернатора Главн. управления Зап. Сибири | Губ. Сек. | Журналист | Столоначальник 3-го отделения К. Асс. В. И. Ярославский | Адрес-календарь 1836 г. 2 ч. |
| 1836 | Канц. генерал-губернатора Главн. управления Зап. Сибири | Губ. Сек. | Журналист | Столоначальник 3-го отделения К. Асс. В. И. Ярославский | Адрес-календарь 1837 г. 2 ч. |
| 1837 | Канц. генерал-губернатора Главн. управления Зап. Сибири | Губ. Сек. | Журналист | Столоначальник 3-го отделения К. Асс. Г. Г. Смирнов | Адрес-календарь 1838 г. 2 ч. |
| 1838 | Канц. генерал-губернатора Главн. управления Зап. Сибири | К. Ск. | Журналист | Столоначальник 3-го отделения Тт. Св. П. Д. Бархатов | Адрес-календарь 1839 г. 2 ч. |
| 1839 | Московское губернское правление | ? | Сверх штата | - | Адрес-календарь 1840: М. отсутствует. Письмо |

¹⁸ Приказ Генерал-губернатора Иван Алекс. Вельяминова о перемещении Милькеева в канцелярию Главного управления.

| | | | | | |
|------|---|------|---------------------|--|--|
| | | | | | Плетневу (18 июля 1839) |
| 1840 | - | ? | - | - | Адрес-календарь 1841: М. отсутствует. |
| 1841 | Канц. моск. гражд. губ. | ? | Место без жалованья | Гражд. губ. <i>И. Г. Сенявин</i> | Адрес-календарь 1842: М. отсутствует; письмо Плетневу (19 июня 1841) |
| 1842 | - | ? | - | - | Адрес-календарь 1843 |
| 1843 | - | ? | - | - | Адрес-календарь 1844 |
| 1844 | - | ? | - | - | Адрес-календарь 1845 |
| 1845 | Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, времен. отд. | ТтС. | Столоначальник | Начальник НС. <i>Н. А. Милютин</i> | Адрес-календарь 1846 ч. 1 |
| 1846 | Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, отделение 1-ое | ТтС | Журналист | Столоначальник НС. <i>А. И. Емичев</i> | Адрес-календарь 1847 ч. 1 (на 1 дек 1846 г.) |
| 1847 | - | - | - | - | Адрес-календарь 1848: М. отсутствует |
| 1848 | - | - | - | - | Адрес-календарь 1849: М. отсутствует |

KOKKUVÕTE

Jevgeni Milkejevi kirjanduslik biograafia

Bakalaureusetöö käsitleb Jevgeni Milkejevi (1815–1846/1847(?)) kirjanduslikku biograafiat. Jevgeni Milkejev oli Tobolskist pärit väikeametnikust luuletaja-iseõppija, kes sai V. Žukovskiga esmakordselt tuttavaks 1837. aastal, kui mees parajasti Tobolski troonipärija saatjaskonnas viibis. Žukovskist sai Milkejevi eestkostja, abistades tal külastada Peterburi ja Moskvat ning hiljem Moskvasse kolida, et tegeleda luuletamisega ning hariduse omandamisega. 1843. aastal valmis luuletaja esimene ja ainus kogumik. Jevgeni Milkejevi luulekogumik tõmbas tolle aja tuntud kriitiku, V. Belinski tähelepanu, kes kirjutas teose kohta negatiivse retsensiooni, mistõttu pole Milkejevi luulet peale 1843. aastat ilmunud ning tema karjäär luuletajana lõppes. Ei ole ka täpselt teada tema surma aega.

Milkejevi saatus võimaldas püstitada mitu küsimust, mis kuuluvad XIX sajandi keskpaiga kirjandussotsioloogia ja -ajaloo uurimise valdkonda. Töö peamiseks eesmärgiks oli vaadelda luuletaja-iseõppija kujundi kasutamist poeetilise programmi osana ja selle retseptsiooni. Selleks, et tugevdada tekkinud kirjandusajaloolist rekonstruktsiooni, uuriti ka kogutud Milkejevi luulekorpust (sh. käsikirjad, mis ei ole välja antud).

Bakalaureusetöö koosneb sissejuhatausest, kolmest peatükist, järeldusest ja kasutatud kirjanduse loetelust. Tööle on lisatud autori poolt koostatud luuletaja eluloo ja loomingu kroonika ning tabelkalendrite põhjal rekonstrueeritud teenistuskiri.

Kuna oluline osa teadmisest Milkejevi biograafiast pärineb autobiograafilisest tekstist, mille avaldamise eesmärgiks oli tutvustada uut luuletajat ajakirjas *Sovremennik* ning hiljem lisati autobiograafia ka luulekogumikku, kus esimeses peatükis üritatakse kriitiliselt analüüsida autobiograafilist teksti ja rekonstrueerida mõningad luuletaja tegeliku biograafia asjaolusid. See on ühtlasi oluline sellepärast, et nõukogude kirjandusteaduses ja nõukogudejärgses Milkejevi retseptsioonis on püsinud stereotüüpsed või piiratud arusaamad luuletaja eluloost. Teises peatükis vaadeldakse Milkejevi luulekorpust, mille sisu on jaotatud kolmeks perioodiks; see omakorda võimaldab teha oletusi luuletaja poeetilise programmi kujunemise strateegiatest. Kolmandas peatükis analüüsitakse kogumikku ja selle tutvustusi, retseptsiooni kujunemist ajakirjades *Sovremennik* ja *Moskvitjanin* kaasaegsete kriitikute, eeskätt just Belinski poolt.

Töö tulemusena väidetakse, et kogumiku ebaõnnetumist põhjustas mitte Milkejevi luule madal kvaliteet (mis on vaieldav), vaid suuremas osas luuletaja-iseõppija positsioon, mis oli rõhutatud kogumikus ja selle eelkulutustes. Milkejevi valitud žanrid ei sobinud kokku žanritega, mida kasutasid teised iseõppinud luuletajad; Belinskilt pälvis tõelise rahvusliku luuletaja-iseõppija tiitli A. Koltsov.

Autori kinnitus

Lõputöö autori kinnitus

Olen lõputöö kirjutanud iseseisvalt. Kõigile töös kasutatud teiste autorite töödele, põhimõttelisele seisukohtadele ning muudest allikaist pärinevatele andmetele on viidatud.

Autor: Eesnimi Perekonnanimi Maria Ivanova

(allkiri)

.....

Lihtlitsents

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Maria Ivanova,

(autori nimi)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose

«Литературная биография Евгения Милькеева»,

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on Roman Leibov,

(juhendaja nimi)

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Maria Ivanova

29.05.2019